

ЖУРНАЛИСТИКА.

ЗАМѢЧАНІЯ ОВЪ ОТНОШЕНІИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ КЪ ИСКУССТВУ.

Нашъ взглядъ на каждый журналъ въ отдѣльности, на общее направленіе дѣятельности, на общія достоинства и недостатки каждаго, выражался довольно часто и довольно ясно, иногда даже съ нѣкоторою рѣзкостью, понятною впрочемъ, какъ мы имѣли удовольствіе замѣтить, — даже многимъ изъ нашихъ противниковъ, разумется тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ литература вообще стоитъ выше ихъ личныхъ симпатій и антипатій къ тому или другому направленію. Кромѣ того, множество общаго во всѣхъ другихъ журналахъ, общаго, высказывающагося иногда очень ясно, не смотря на видимыя, и повидимому даже враждебныя различія между ними, такого общаго, которое въ различныя ихъ направленія отталкиваетъ одинаково отъ какого-либо изъ нашихъ положеній и заставляетъ высказываться враждебно съ бѣльшею или меньшею энергіею, съ бѣльшею или меньшею откровенностью, съ бѣльшею или меньшею послѣдовательностью, — это общее, несомнѣнно существующее, убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ сущности мы имѣемъ дѣло только съ однимъ и притомъ безличнымъ антагонистомъ, котораго положенія, разсѣянные по разнымъ статьямъ журналовъ, приводятся всѣ къ одному знаменателю, какъ приводятся къ одному же знаменателю и наши. Когда можно вести честную полемическую борьбу съ положеніями, т.-е. когда положенія выходятъ на борьбу ясно обозначенныя, — тогда скучно толковать о томъ, что такая-то книжка такого-то журнала бѣдна содержаніемъ, и между тѣмъ вѣло передавать это самое бѣдное содержаніе. Необходимость говорить о такомъ скудномъ содержаніи вводитъ часто въ другую еще болѣе печальную необходимость — толковать какъ будто о дѣлѣ, о томъ, что въ сущности есть или невинное литературное бездѣлье, надъ которымъ слегка только можно посмѣяться въ назиданіе публики, а не авторовъ, вѣроятно уврѣненныхъ въ важномъ значеніи подоб-

наго безделья, — или то, что подходит подь пословицу: «на безрыбь и рак рыба», и что со стороны серьезной критики должно быть обходимо красноречивымъ молчаніемъ, — потому что толки придають этому безрыбью совершенно незаслуженную значительность. Пусть же эту значительность придаетъ имъ другая критика, а не наша: мы остановимся съ любовью надь какою-нибудь небольшою поэмою, мы внимательно прослѣдимъ произведеіе, въ которомъ, не смотря на художественную слабость, выразится мысль, или новал или даже и запоздалая, но еще живущая и стало быть подлежащая изслѣдованію; мы посвятимъ нѣсколько страницъ какому-либо очерку, нарисованному настоящимъ, призваннымъ художникомъ — и пустимъ въ ходъ реторическую фигуру умолчанія или другую, въ реторикахъ еще не обозначенную фигуру сухаго упоминанія въ отношеніи къ иному тяжеловѣсному роману, растянувшемуся на нѣсколько книжекъ журнала, въ отношеніи къ какому-либо этюду, отличающемуся въ глазахъ знатоковъ и спеціалистовъ велико-свѣтскости и тонкости качествами необыкновенной велико-свѣтскости и изящнѣйшей тонкости. Однимъ словомъ, мы хотимъ бесѣдовать съ мыслителями о мысляхъ, съ художниками о художествѣ. Задача очень гордая! подумаютъ вѣроятно многіе. — Но болѣе или менѣе мы ее до сихъ поръ исполняли, скажемъ мы въ видѣ предупредительнаго отвѣта, исполняли такъ, что добросовѣстнѣйшіе изъ дѣятелей литературныхъ, не раздѣляющихъ нашихъ мнѣній, должны были сознаться: одни (Соврем. Юж. Замѣтки Нов. поэта, стран. 119) — что: «если съ критикой молодой редакціи «Москвитянина», выражающейся всегда нѣсколько хитро, заносчиво и «кудревато, и не соглашаешься очень во многомъ, но всегда видишь въ ней стремленіе къ истинѣ, любовь и уваженіе къ искусству, и «что хотя въ этой критикѣ и проскакиваютъ иногда небольшія «предубѣжденія къ лицамъ ей подсудимымъ, но вообще для нея «искусство выше всѣхъ личныхъ воззрѣній и отношеній»; — другіе (Отеч. Записки Май, Журналист. стр. 54), упрекая насъ; что мы не кончаемъ иногда начатыхъ статей, сознаются въ томъ, что начала этихъ статей обнимаютъ литературный горизонтъ очень обширный, что вопросы задаваемые нами не менѣе широки; третьи, какъ-то г. Дружининъ, съ своихъ точекъ зрѣнія, почти окончательно сходятся съ нами въ результатахъ. И между тѣмъ, мы намѣрены начать наше обозрѣніе совершенно полемиически: «Есть тому дѣлу причина!» какъ говоритъ Митя въ «Бѣдность не порокъ.» Причина заключается въ томъ, что какъ въ полемикѣ, открывшейся противъ

насъ за начало статей о комедіяхъ Островскаго, такъ и въ другихъ появившихся въ это время статьяхъ, по поводу въ особенности Пушкина и Гоголя, обнаружилась слишкомъ ясно болѣзнь мѣста той критики, которую мы, не во гнѣвъ ей будь сказано, не перестаемъ называть одряхлѣвшею, обнаружившись даже многія изъ свойствъ болѣзни нашего безличнаго антагониста.

Прежде всего займемся нашимъ дѣломъ: — дадимъ прямой и ясный отвѣтъ на упреки, которымъ мы подверглись. Полемика выразилась въ двухъ главныхъ журналахъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ», выразилась въ томъ и другомъ, сообразно съ характеромъ каждаго. Полемика Записокъ прямая: ей, «невольна и самъ-собою представляется вопросъ: почему Пушкинъ, «у котораго инстинкту народному мы все удивляемся, вывелъ въ «своей драмѣ въ *сценахъ любви*, лица не русскія, по крайней мѣрѣ «лица, воспитанныя внѣ Россіи? Все остальные величавыя лица не «прикосновенны къ этому дѣлу.» (Отеч. Записки Май, Журн. стр. 61.) Далѣе рецензентъ продолжаетъ: «Такой поступокъ нашего поэта «возлагаетъ, какъ первую обязанность, на критика рассмотреть «стинныя наши семейныя отношенія, на сколько они могутъ быть «сюжетомъ повѣсти или драмы. Вотъ въ этомъ-то случаѣ мы и попросили бы г. Григорьева обратить особенное вниманіе на «Домострой», какъ на памятникъ весьма важный для рѣшенія этого литературнаго вопроса. Пусть бы авторъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ для семейной жизни въ «Домостроѣ», опредѣлилъ, на сколько они допускаютъ возможность той *интриги*, которая сдѣлалась главнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ повѣстей, романовъ и драмъ съ XVIII столѣтія до настоящаго времени включительно. «Если окажутся противорѣчія между правилами Домостроя и «завязкою всѣхъ нашихъ повѣстей и романовъ, тогда самъ собою «представится вопросъ: чѣмъ мы должны въ пыпынсе время «пожертвовать — правилами «Домостроя» или принесенною съ «Запада постройкою литературныхъ произведеній?»

Основное начало полемики выражено такъ прямо и ясно, что прямой и ясный кажетъ и нельзя выразить; болѣе еще: не смотря на то, что возраженіе, съ нашей точки зрѣнія — совсѣмъ нелѣпо, оно высказано необыкновенно честно. Статья наша, какъ и многія другія, которыя пишутся подѣ вліяніемъ горячаго и правдиваго убѣжденія, представляла все удобства къ гаерскимъ противъ нея выходкамъ — и никакой такой выходки не сдѣлано. Не осмѣяно то, что мы, по поводу комедій Островскаго подняли лѣтописи, Посош-

кова и проч., — не осмѣяно то, что мы приняли на себя, въ началѣ ея, тонъ слишкомъ рѣшительный (тонъ, надобно замѣтить, совершенно невольный и вызванный безнарядицею критики) и т. п. Дѣло, свидѣтельствуемъ съ удовольствіемъ, начато честно. Дай Богъ намъ въ статьяхъ нашихъ поспорить порядкомъ о такомъ важномъ вопросѣ и побѣдить въ нашихъ противникахъ ихъ нерасположеніе къ старому русскому быту, или, лучше сказать, вообще къ нашей исторической народности. Для этого надобно показать конечно, что идеалы русскаго быта заключаются не въ одномъ Домостроѣ, что *интриги* въ смыслѣ XVIII столѣтія можно отыскать въ самомъ Домостроѣ (вспомните женокъ торговыхъ и т. п.), но что Домострой смотритъ только на эти интриги съ иной точки зрѣнія чѣмъ XVIII вѣкъ, и очеркиваетъ ихъ сурово-комически. Сами антагонисты наши знаютъ, что много нужно тутъ показать такого, о чемъ досель говорилось очень мало, что съ нашей стороны возможно будетъ только посильный трудъ, что заслуга нашихъ соображеній и нашего труда будетъ заключаться въ томъ, чтобы навести на другіе труды и на другія соображенія: сами они понимаютъ вѣроятно, что даже и посильныя соображенія могутъ быть сообщаемы въ этомъ дѣлѣ не такъ скоро, какъ заключенія о современномъ. А вопросъ, чѣмъ должно будетъ пожертвовать: правилами ли Домостроя, который между прочимъ и не одинъ памятникъ, увѣковѣчившій идеалы русскаго семейнаго воззрѣнія, а трудъ челоуѣка весьма почтеннаго, но нѣсколько односторонняго, — или завязкою всѣхъ новѣйшихъ повѣстей и романовъ, завязкою, которая порядочно уже опошлилась, — этотъ вопросъ рѣшать не споры наши, а искусство — и оно уже рѣшаетъ его, все-таки больше въ пользу, положимъ и односторонняго нѣсколько, Домостроя, какъ сочнаго и крѣпкаго продукта жизни, чѣмъ въ пользу тепличныхъ завязокъ, уже и теперь оказавшихся несостоятельными. Статья Отецъ. Записокъ состоитъ преимущественно изъ различныхъ желаній, — между прочимъ она высказываетъ желаніе, чтобы мы *опредѣлили народность*. Неправда ли, что это — желаніе весьма скромное? На него можно отвѣтить только положеніемъ одного знаменитаго юриста, что: *Definitio periculosa est*. Опредѣленіе вообще должно только дать почувствовать всѣмъ изложеніемъ дѣла. Не споримъ, что опредѣлить народность съ отрицательной точки зрѣнія, какъ дѣлывали Отецъ Зап., легко, — во попробуй-ка они сами подвести подъ схему все многообразіе свойствъ такой народности, какова наша славянская? На-сколько пряма и последовательна полемическая статья «Запи-

сокъ», на столько же неопредѣленна и смутна статья въ замѣткахъ Новаго Поэта Современника за Юль. Это—статья то увѣщательная, то извинительная, то насмѣшливая, но во всякомъ случаѣ не прямая. На сколько статья «Записокъ» поняла въ чемъ дѣло, и толкуетъ о дѣлѣ, на столько же статья Современника обходитъ настоящее дѣло, вертится около положеній нашей статьи, выхватываетъ мысли изъ нея на удачу, оправдывается или старается кольнуть — безъ малѣйшаго отношенія къ дѣлу. По этому самому, отвѣчать на статью «Записокъ» надобно самымъ дѣломъ, т.-е. продолженіемъ начатой нами статьи: статью же Современника надобно прослѣдить, чтобы уловить въ ней какія-либо положенія. Обѣ статьи впрочемъ сходятся въ одномъ, въ обвиненіи насъ за великолѣпныя начинанія. Въ Современникѣ, обвиненіе это выражено особенно замысловато.

«Москвитянинъ», такъ начинаетъ Новый Поэтъ, — «какъ было уже не разъ говорено въ нашихъ журналахъ, находится подъ «вліяніемъ двухъ редакцій — *старой* и *молодой* — и потому, «вѣроятно, онъ не имѣетъ того единства, той цѣльности, того «опредѣленнаго колорита, которые невольно отыскиваетъ читатель «въ каждомъ періодическомъ изданіи...»

Позвольте остановить васъ на минуту, Новый Поэтъ, и спросить васъ, какія существенныя различія находите вы между *старой* и *новой* редакціей Москвитянина? Вѣроятно отвѣта вы не дадите, потому что и здѣсь, какъ и въ дѣятельности Островскаго, новое слово есть только старое слово. Нечего говорить уже о томъ, что въ требованіи единства и колорита отъ журнала Современникомъ, въ которомъ сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливали, — въ которомъ сегодня скажетъ дѣльное слово г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ тьму безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей, что въ этомъ требованіи для всякаго мыслящаго читателя заключается много комическаго. Но продолжаемъ выписку:

«Въ Москвитянинѣ, иногда старая редакція явно преобладаетъ «надъ молодою, иногда молодая беретъ верхъ надъ старою, и все «это совершается какъ будто бы случайно, безъ всякой борьбы» (NB. Да вѣдь борьба для мыслящаго челоѣвка возможна только при различіи принциповъ съ другимъ мыслящимъ челоѣвкомъ) «явится «нѣсколько книжекъ, похожихъ болѣе на сборникъ, чѣмъ на жур-
«наль, и послѣ этихъ книжекъ съ историческими матеріалами (болѣе «или менѣе интересными и довольно впрочемъ рѣдкими въ последнее «время), съ историческими афоризмами, съ различными краткими

«отрывистыми и всегда очень оригинальными отмітками и замѣтками старой редакціи, напоминающими прежній «Москвитянинъ», «вдругъ выйдеть нѣсколько номеровъ, имѣющихъ болѣе журнальный характеръ, съ критическими статьями, въ которыхъ молодая редакция желаетъ высказывать свои теоріи и взгляды на искусство... Но къ сожалѣнію любопытствующихъ поближе познакомиться съ этими взглядами и теоріями, критическія статьи молодой редакціи обыкновенно прерываются или на половинѣ или на самомъ началѣ — и такъ и остаются несовершенными. Задуманныя всегда, (судя по началамъ) широко, глубоко и добросовѣстно, они имѣютъ видъ тѣхъ огромныхъ и хитрозадуманныхъ зданій, которыя такъ же прихотливо начаты какъ и брошены, и съ безчисленными полусгнившими и почернѣвшими лѣсами, представляютъ печальный видъ бесполезно пропавшаго труда и бесполезно погибшихъ матеріаловъ... Смотря на эти громадныя лѣса, на эти груды кирпичей, думаешь: а можетъ быть вѣдь изъ этого что-нибудь и вышло бы! и въ то же время досадуешь, что полусгнившіе лѣса и обвалившіеся кирпичи—ничего недоказавшіе, занимаютъ безъ толку пространство, изъ котораго можно было бы извлечь какую-нибудь пользу, которое не пропадало бы даромъ. Что намъ за дѣло до того, если обломки недоконченнаго зданія намекаютъ на талантъ, вкусъ и добросовѣстность архитектора? Что намъ за дѣло до того, что онъ что-то хотѣлъ сказать этимъ зданіемъ? *Мысль въ зачатіи, какъ бы она ни казалась широка и глубока, ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ самой обыкновенной, всѣдневной мыслию развитой и опопчательно высказанной.*»

Сказано складно и сравненіе блестящее — да вѣрно ли оно? спросимъ мы г. Новаго Поэта. Продолжая употребленное имъ сравненіе, скажемъ, что архитектору могутъ помѣшать достроить зданіе недостатки кирпича и камня, постоянно ненастная погода и другія обстоятельства отъ него независящія. Оставляя же въ сторону сравненіе блестящее, но неудачное, скажемъ мы, что мысль надобно сообщать даже въ ея зачатіи, если нѣтъ средствъ высказать ее въ конченной формѣ: мысль — дѣло живое, т.-е. мысль, чувствуемая всѣмъ существомъ человека, понимаемая всѣмъ горячимъ убѣжденіемъ души: когда она такъ понимается, она высказывается сама, не заботясь о томъ, высказавшій впервые или другой кто-нибудь достроить ея умственное зданіе: мысль взривъ только въ то, что зданіе ея достроится непременно... Но это идеальная сторона вопроса. Да позволено будетъ намъ спросить г. Новаго Поэта, какія статьи

нами недоконченъ, кромѣ начатой статьи объ Островскомъ, о прекращеніи которой онъ не имѣетъ никакого права умозаключать, и отрывка изъ сочиненія о пѣсняхъ, отрывка, который самъ по себѣ оконченъ — а не кончено и едва ли скоро кончится все сочиненіе, но вѣдь оно, какъ понимаетъ вѣроятно самъ г. Новый Поэтъ, есть одно изъ дѣлъ цѣлой жизни. Упрекаютъ автора этихъ статей Отецъ. Записки въ неоконченнѣхъ взглядахъ на Гёте и на нѣмецкую литературу, по взгляды эти вызваны были поводомъ, и другимъ поводомъ вызовется вѣроятно ихъ продолженіе и разъясненіе. Дѣло, кажется, очень простое. Всякое слово, новое ли, старое ли, высказывается постепенно, разъясняется въ борьбѣ съ противорѣчiami, — если оно только живое, а не мертвое, книжное, которое легко и удобно ложится въ узкія схемы. Вѣроятно не сочтутъ въ насъ за самолюбіе, а примутъ только за крѣпкую вѣру въ наше направленіе — если мы скажемъ, что вызывая насъ почаще полемика ли, литературныя ли явленія, на вопросы, которые дѣйствительно заслуживаютъ названіе вопросовъ, ответовъ за нами не заждутся.

Но, чѣмъ мы заслужили отъ г. Новаго Поэта слѣдующее поученіе — рѣшительно недоумѣваемъ.

« Но если, — продолжаетъ онъ, — архитекторъ недоконченнаго « зданія, неуспѣвшій еще — при всемъ своемъ усиліи — ясно, опре- « дѣленно и окончательно высказать своей мысли, взявшійся за ка- « кой-нибудь колоссальный трудъ и даже еще неокончившій фунда- « ментъ для своего труда, — *будетъ отзываться съ презритель- « ной гордостью объ оконченныхъ трудахъ своихъ предшествен- « никовъ, которые добывали мысль въ потъ и крови и высказывали « ее съ увлеченіемъ, съ добросовѣстною горячностью, впадая иногда « въ неизбежные для челоуѣка промахи и ошибки, — тогда можно « и даже должно остановить такого заносчиваго архитектора и спро- « сить его... ты такъ строгій къ своимъ предшественникамъ къ « людямъ, подготовлявшимъ можетъ быть тебѣ самаго, — что « же сдѣлалъ ты самъ, сказалъ ли ты хоть что-нибудь новое послѣ « нихъ?.. Во имя чего же твоя надмѣнность, твое презрѣніе къ тѣмъ « благороднымъ труженикамъ мысли, которые, не смотря на свои « ошибки и заблужденія, сдѣлали хоть что-нибудь? Труды ихъ пе- « редъ нашими глазами... Они высказали намъ все, что могли и умѣли « высказать, а ты, все *усиливающийся что-то сказать и въ те- « ченіи нѣсколькихъ лѣтъ остающійся при этомъ усиліи* — имѣешь « ли ты право бросать камень въ твоего собрата, въ твоего ближ- « няго, уже совершившаго свое дѣло и окончившаго свое поприще?..»*

Все это очень трогательно, и мы вполне понимаем тот нравственный процесс, посредством которого г. Новый Поэтъ, который досель «шутить, весь вѣкъ шутить», — писавши эту краснорѣчивую діатрибу, самъ непримтно для себя возвышался до своего лирическаго настроѣнтя, и весьма искренно причислилъ и самого себя къ благороднымъ труженикамъ мысли, добывавшимъ мысль въ потъ и крови, разсердился на насъ внезапно и въ порывѣ благороднаго негодованія обратился къ намъ съ упрекомъ, который точно былъ бы лэвтитеиъ, еслибы къ намъ сколько-нибудь относился! Но дѣло въ томъ только, что стрѣла пронеслась мимо. Слово нашего направленія есть уваженіе къ преданію, уваженіе ко всему до насъ сдѣланному, даже если смѣемъ такъ выразиться, — возстановленіе связи между нашимъ временемъ и прошедшимъ, связи, на время легкомысленно нѣкоторыми разорванной. Вотъ съ этимъ-то разрывомъ и съ его представителями мы и боремся. Sapienti sat. Въ самой дѣятельности недѣвнихъ предшественниковъ мы отличали всегда и съумѣемъ отличить благородныя усилія отъ вредныхъ и фальшивыхъ увлеченій: за первыя — поклонъ до лица земли, — за вторыя — раздѣлка неминуемая, историческая, т.-е. исторіей, временемъ, а не нами совершаемая. Дѣло опять кажется очень ясное. Когда направленіе, возстановляющее связь съ преданіемъ, столкнется съ направленіемъ, вышедшихъ изъ началъ противоположныхъ — то неужели же оно, изъ какого-то фальшиваго благородства, должно кадить ему? Но вѣдь кадя ему, оно оскорбитъ историческое преданіе! Можно признавать, что такой-то человекъ такого-то направленія былъ одаренъ натурой могучей, вулканической, словомъ живымъ и любовью къ правдѣ, — но если онъ былъ мало грамотенъ, то нельзя же этого не сказать, если онъ впадалъ въ безпрестанныя противорѣчія, нельзя же ихъ признавать за непреложныя истины, если крайности, въ которыя впадалъ онъ, имѣютъ досель вредное вліяніе на литературу, нельзя же не относиться къ нимъ враждебно. Стало быть и діатриба Новаго Поэта пронеслась мимо насъ, какъ паче всего уважающихъ преданіе и уважающихъ все *честное* въ трудъ своихъ предшественниковъ, близкихъ и дальнихъ.

«Съ такою же рѣчью можемъ мы обратиться», — продолжаетъ г. Новый Поэтъ — «и къ критику «молодой редакціи», г-ну Григорьеву, который такъ гордо и презрительно относится о критику «1838—1846 годовъ и никогда не упускаетъ случая уязвлять ее «при всякомъ удобномъ случаѣ...»

Опять таки «есть тому дѣлу причина!» Судьбы нашей кри-

тики какъ отъ 1838 до 1846, такъ и, отъ 1828 до 1838 довольно хорошо известны критику молодой редакціи, и онъ познакомился съ той и другою въ такія лѣта, когда душа воспринимаетъ живѣе всѣ впечатлѣнія, и стало быть знакомъ съ ней по опытамъ сердца, видѣлъ хорошія и дурныя стороны ея вліянія какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ. Вычванія и развычванія кумирчиковъ, скачки отъ статьи, напримѣръ, о Бородинской годовщинѣ къ статьѣ о Парижскихъ Гайнахъ Сю, отъ восторженныхъ гимновъ народности въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Молвы, этою прекрасномъ памятникъ блестящаго таланта, хотя и тогда уже впадавшаго въ крайности по недостатку грамотности,—къ сатурналіямъ въ родѣ статей о Сказаніяхъ Русскаго народа, изд. г. Сахаровымъ, статей о Голиковѣ и Кошихинѣ,—отъ правдивой оцѣнки великаго таланта Гоголя къ вакханаліямъ по поводу его Переписки — вакханаліямъ, которымъ критикъ молодой редакціи причастенъ не былъ, чѣмъ онъ и гордится, отъ перчатки брошенной критикою Телескопа за «Бориса Годунова», принятаго холодно безграмотною критикою, до новыхъ, оправданій этой безграмотной критики, оправданій, появившихся въ статьяхъ о Пушкинѣ въ нынѣшней книжкѣ Современника, въ которой г. Новый Поэтъ громить насъ своими діатрибами, — всѣ эти скачки, показывающіе шаткость, безнарядицу критики, совершались на глазахъ критика молодой редакціи, проходили болѣе или менѣе по его сердцу. Раздвѣля когда-то многое съ критикой, на которую онъ теперь вооружается, онъ не могъ никогда раздвѣлять ни сатурналій на счетъ народности, ни увѣчванія кумирчиковъ гг. Д. Н. и т. д., ни вакханалій по поводу Переписки съ друзьями, какъ достаточно было засвидѣтельствовано статьею его въ Московскомъ Городскомъ листкѣ, удостоившеюся того же глумленія какъ и книга Гоголя. Вотъ почему критикъ молодой редакціи не упускаетъ никогда удобнаго случая говорить о критикѣ 1838—1846 годовъ, и вотъ почему онъ считаетъ себя въ правѣ говорить о ней, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не думалъ говорить о ней гордо и презрительно. *Erga humanum est* — и отрицая заблужденія, должно видѣть въ заблуждающемся еще другую сторону, кромѣ заблужденій.

Все это, хотя и не съ такою рѣзкостью, обозначено было въ нашей статьѣ. Но Новый Поэтъ принялъ такой маневръ, чтобы всѣ упреки наши взвалить на одну «Библіотеку для чтенія»—отстаивая статьи о Пушкинѣ, въ которыхъ казнилась безъ милосердія вся русская литература до Пушкина и отъ его Гатяны дѣлались весьма странныя требованія; забывая исчисленныя нами сатурналіи и под-

держивая справедливость вакханалій по поводу книги Гоголя. Гоголю, извольте видѣть, критика высказала тогда много горькихъ истинъ. Бѣдная критика—ей заблужденія продолжаютъ еще до сихъ поръ, и ей до сихъ поръ непонятно, что болѣзненный процессъ, великій нравственный переломъ, совершавшійся въ такой натурѣ, какова была натура Н. В. Гоголя, долженъ былъ расширить его кругозоръ. Пусть же наконецъ убѣдится она въ этомъ, читая отрывки второй части «Мертвыхъ душъ», увидѣвшіе наконецъ свѣтъ Божій, отрывки, свидѣтельствующіе о томъ, чего требовалъ отъ себя великій художникъ и великій общественный чело­вѣкъ: отрывки, которыми при томъ еще самъ художникъ не былъ доволенъ — не былъ доволенъ, значить, хотѣлъ совершеннѣйшаго! Пусть же она устыдится своихъ обвиненій Гоголя въ неискренности, своихъ подходовъ подъ его личность, читая «Авторскую исповѣдь» Но объ отношеніяхъ современной критики къ Гоголю и Пушкину рѣчь еще впереди. Пока займемся нашимъ собственнымъ дѣломъ.

«Положимъ, что эта критика—продолжаетъ г. Новый Поэтъ— (имѣвшая, нельзя не замѣтить, вліяніе довольно сильное) заблуждалась, впадала въ промахи, — (какая же критика не впадаетъ въ «промахи?»), но она сдѣлала что-нибудь, она высказала свою мысль «какъ могла... труды ея не совсѣмъ еще забыты...»

Такъ мало еще забыты — добавимъ мы отъ себя, что досель еще критика теперешняя продолжаетъ ихъ, въ какомъ-то лѣнивомъ полуснѣ. И такъ много она сдѣлала, и такъ высказала свою мысль, что отъ терній этой мысли долго еще не расчистишь поля литературы. Зачѣмъ говорить голословно? Прослѣдимъ вкратцѣ всю исторію той критики, за которую ратуетъ г. Новый Поэтъ.

Начало ея въ «Молвъ», издававшейся при Телескопѣ, временное пристанище въ Московскомъ Наблюдателѣ, завершеніе въ Отечественныхъ Запискахъ. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» впервые раздался ея голосъ, впервые брошены смена того хорошаго и того дурнаго, что принесла она съ собою въ жизнь. Хорошее заключалось въ твердости эстетическихъ положеній, въ мысли о томъ, что художество должно мѣрять условіями художества, въ живомъ сочувствіи къ жизни и въ вѣрѣ въ то, что литература — отраженіе жизни. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» — разрушавшихъ во имя этихъ убѣжденій множество авторитетовъ, стремившихся поставить все на надлежащее мѣсто, часто заносчивыхъ, опрометчивыхъ въ своихъ сужденіяхъ, часто пристрастныхъ — были дороги молодость, страсть, увлеченіе, соединенныя съ рѣдкимъ эстетическимъ тактомъ.

Но того ли требовали отъ литературы «Мечтания», чего требовала потомъ порожденная ими критика? Литературныя мечтанія привѣтствовали зарождавшійся тогда, по ихъ мнѣнію, *народный періодъ* литературы, — народность была ихъ конькомъ (*). Въ Московскомъ Наблюдателѣ та же критика заговорила туманнымъ абстрактнымъ языкомъ Гегеля, осѣдлала другаго коня — художественность, во имя художественности ругала немилосердо Заюда и Шиллера, мечтала о примиреніи съ дѣйствительностью, буквально принимая змѣеобразное положеніе учителя: Was ist — ist vernünftig: адепты ея ходили какіе-то одурманенные, съ головою на изнанку, погружались въ unendlichen Geist Гёте и т. д. Такою перешла она въ Записки. Скоро сказывается сказка, но еще скорѣе дѣлалось дѣло. Затѣдили совсѣмъ бѣдную *художественность* — осѣдлали другаго коня, коня быстро, *Паюсъ*. На Паюсъ и лобхали до сатурналіи и до тѣхъ положеній, что гвоздь, выкованный рукою человека, лучше и изящнѣе лучшаго цвѣтка природы, что нужна многочисленная беллетристика, а не художественныя произведенія, что Татьяна вповата предъ судомъ совѣсти, не отдавшись Онѣгину. Которому же изъ историческихъ фазисовъ этой критики прикажете вы кадить, г. Новый Поэтъ? Первому нельзя — потому что наши требованія народности отъ литературы выросли, сравнительно съ требованіями эпохи историческихъ романовъ; второму — смѣшно, потому что попадешъ въ schöne Seelen; — въ третьемъ вы сами разувѣрились, какъ это ясно свидѣтельствуется въ вашей же критикѣ многими статьями, въ которыхъ съ подобающимъ уваженіемъ говорится о старой литературѣ, возстановляются многіе легкомысленно разрушенные авторитеты, осмѣиваются многія моральныя крайности. Приписать ли это апатія, до которой увздили послѣдняго коня, другому ли чему, только — это такъ.

Наше направленіе застало критику на поворотѣ къ апатіи: Паюсъ употреблялся уже только на пародіи стихотвореній, желчь негодованія изливалась въ повѣстяхъ только на несчастныхъ господъ, у которыхъ нѣтъ сзади пробора, восторги истощились. Одинъ лишь голосъ возвышался рѣзче другихъ, и страненъ былъ этотъ голосъ. Мы говоримъ объ Иногородномъ Подписчикѣ, который кончаетъ теперь какъ серьезный и честный литераторъ, начавши дѣло какъ гаеръ. Почему же именно даровитѣйшій изъ представителей вашего

(*) О томъ, какъ скудны и смутны были въ оны дни представленія о народности, основанныя преимущественно на псевдо-историческихъ романахъ, — какъ *малымъ* довольствовались въ этомъ отношеніи — нечего и говорить.

направленія въ критикѣ, вступая на арену литературы, не нашель въ душѣ никакого иного убѣжденія, кромѣ пересмѣшничества?... Ясное дѣло потому, что эстетическое чувство претило ему сдѣлаться прозелитомъ безобразій натуральной школы, а знакомство съ хорошими образцами своей литературы и другихъ литературъ отвращало его отъ обыденныхъ продуктовъ г-жи Евгеніи Туръ, г. Чернышева и иныхъ: къ сожалѣнію — выше всего этого онъ сталъ сначала только съ фешенебельной точки зрѣнія. Съ этой-то точкой зрѣнія мы и враждовали. Что же касается до полемики противъ остальной критики, то мы боролись собственно не съ нею, а съ слѣдами прежней критики, въ ней уцѣлѣвшими, потому-что полемика возможна только противъ мысли и во имя мысли.

Вы спрашиваете: «что же послѣ этой критики сказала новаго «заносчивая критика Москвитянина? Въ чемъ и гдѣ ея *новое* слово? «Въ г-нѣ Островскомъ!...» Да, пожалуй въ Островскомъ какъ художникъ, мы отъ этого не отрицаемся. Вводить новое въ жизнь не критика, которой дѣло заключается только въ разъясненіи новаго — а произведенія искусства. Глубоки въ этомъ отношеніи слова Гоголя въ его «Авторской исповѣди», на которыя мы желали бы обратить ваше вниманіе. А что Островскій новъ со всѣми своими достоинствами и недостатками, это ясно для публики, если не ясно для одряхлѣвшей критики. Мало ли что темно для критики? Критикѣ напримѣръ, какъ видно изъ вашей же статьи, и огромный по значенію въ общественной жизни и огромный же по значенію историческому купеческій классъ, классъ средній, классъ составляющій, такъ сказать, цвѣтъ собственно народныхъ соковъ, классъ, въ которомъ, при многихъ можетъ быть комическихъ сторонахъ, сохранились наиболѣе остатки народнаго быта и развились притомъ на свободѣ, широко, вольно, — критикѣ этотъ классъ кажется мелкимъ! Не съ такой критикой мы толкуемъ, или лучше сказать, толкуемъ съ ней по столку, по скольку видимъ въ ней слѣды ирѣзнихъ, т.-е. хоть какихъ-нибудь сильныхъ и живыхъ началъ. Что же касается до критики теперешней, то она находится въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, и ее такъ легко обличить, что даже рецензенты Библиотеки для чтенія (Библиотеки для чтенія! подумайте объ этомъ, г. Новый Поэтъ!) обличаютъ ее весьма успешно въ июльской книжкѣ. Вотъ оно куда пошло! Послѣ этого, Паптеонъ скоро начнетъ борьбу съ этой критикой!

Да и нельзя иначе. Выходить Пушкинъ — и какія же статьи являются по поводу новаго изданія, за исключеніемъ превосходной

статьи г. Дружинина въ Библіотекѣ для чтенія? Вышелъ Гоголь — и какихъ же статей ждуть о Гоголь, послѣ статей появившихся о немъ въ последнее время, статей или подыскивающихся подъ личность автора Мертвыхъ Душъ, какъ статья въ Отечественныхъ Запискахъ по поводу «Опыта Біографіи Гоголя», статья непристойная по тону, возмущающая душу содержаніемъ, болѣею частию не литературнымъ;—послѣ множества странныхъ выходовъ въ разныхъ журналахъ и въ разныхъ газетахъ? Да позволено будетъ намъ коснуться поподробнѣе этихъ отношеній современной критики къ двумъ первостепеннымъ нашимъ дѣятелямъ. Начнемъ съ Гоголя, тѣмъ болѣе, что имѣемъ къ этому личный поводъ, давно лежащій у насъ на сердцѣ.

Въ Отечеств. Запискахъ прошлаго 1854 года, въ отдѣлѣ «Журналистики» № 7, на стр. 48, напечатаны слѣдующія строки:

...«Нашъ Гоголь въ своемъ отрывкѣ: «Римъ» вздумалъ дать почувствовать Италію, изобразивъ ее самыми яркими красками, и одними яркими, и картина ему не удалась.

«Кстати, по поводу этой картины «Рима», написанной Гоголемъ, мы прочли у г. Г. (въ «Москвитининѣ») *неожиданно оброненное* имъ слѣдующее выраженіе: «На Гоголя не безъ основанія, пожалуй, нападали за его Римъ: въ самомъ дѣлѣ, стремясь всѣ черты передать словомъ, какъ будто бы кистью, онъ громоздитъ черту на черту, ослѣпляетъ яркостью красокъ, вынужденъ для того, чтобъ передать тотъ или другой отъенокъ изображаемыхъ имъ предметовъ, прибѣгать къ выраженіямъ яркимъ, но малоупотребительнымъ, вынужденъ чтобы передать», (? что? — спрашиваемъ мы — и въ правѣ спросить, потому-что, печатая чужія слова, да еще въ обличеніе, нужно же хотъ продержатъ поаккуратнѣе корректуру) — «укладывать мысль въ нескончаемо длинный періодъ.

«Мы съ удовольствіемъ прочли эти строки г. Г., который такъ сильно восхищался нѣкогда «Римомъ» Гоголя.»

Очень непріятно бываетъ всегда разрушать чужое удовольствіе—но нельзя не пояснить, хотя и поздненько, что въ этомъ мы не имѣли въ виду доставить удовольствіе рецензентамъ «Отечеств. Записокъ» и къ ихъ удовольствію не подавали ни малѣйшаго повода.

Ключекъ (это настоящее слово) изъ нашего разсужденія, приводимый «Отеч. Записками» въ подтвержденіе ихъ мысли, не только не подтверждаетъ ее, взятый въ связи съ тѣмъ довольно длиннымъ разсужденіемъ, изъ котораго онъ вырванъ, но положительно опровергаетъ. Ключекъ вырванъ изъ статьи нашей о «Трехъ письмахъ»

неизвестнаго автора, находящагося въ отношеніи къ манерѣ подь очевиднымъ вліяніемъ Гоголевскаго Рима, о тѣхъ самыхъ «Грѣхъ письмахъ», которыя мы признали разь за одно изъ замѣчательныхъ произведеній современной словесности, и постарались доказать это по крайнему разумнію. Теперь: если защищается и хвалится произведеніе, напоминающее манерою своею другое, написанное подь сильнымъ вліяніемъ этого другаго, — то кольми паче (прямой логическій выводъ) хвалится это другое. Такъ это или нѣтъ?

«Самое желаніе подражать такому образцу (ибо «Римъ» счи- таемъ мы однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведевій нашего «великаго поэта) показалось намъ въ авторѣ залогомъ природы истинно поэтической, тѣмъ болѣе, что подражаніе это — не мертвая «копировка.»

Вотъ наши слова на 84 страницъ нашей статьи, слѣдующей за 83, изъ которой вырванъ *Записками* выше приведенный клочекъ. Самый этотъ клочекъ имѣетъ смыслъ только въ связи съ разсужденіемъ, доказывающимъ, что нельзя называть вычурностью стремленіе къ пластичности въ словѣ, оправдывающемъ не только великаго художника слова, каковъ былъ Гоголь, но художниковъ кисти или рѣзца, какъ напримѣръ г. Рамазановъ, которые стремятся словомъ передать пластическія тонкости.

Увы! для кого же и для чего же писали мы все это съ горячимъ убѣжденіемъ, съ твердою увѣренностью въ ясности и зрѣлости многихъ мыслей, выработанныхъ и прочувствованныхъ нами, съ любовью къ правдѣ, съ благоговѣніемъ передъ искусствомъ? Изъ цѣлой статьи, касающейся многихъ весьма важныхъ вопросовъ — выписано одно только мѣсто и выписано для того, чтобы навязать намъ мысль не нашу. Честно ли это? спросимъ мы прямо и смѣло «Отечественныя Записки.»

Съ негодованіемъ и съ грустью читали мы эти строки въ критикѣ журнала, хотя и враждебнаго намъ по направленію, но до сихъ поръ еще не пятнавшего себя сообщничествомъ съ нѣкоторыми газетами, нападающими на все великое въ русской литературѣ, въ особенности на память творца «Рима» и «Шинели». Вслѣдъ за тѣмъ прочли мы въ одной изъ такихъ газетъ — статейку о «причинахъ успѣха сочиненій Гоголя», и еще въ одномъ журналѣ, отличающемся такимъ же антинаціональнымъ духомъ (если только есть у него какой-либо духъ), какъ и упомянутая газета — статейку, въ которой Ревизоръ называется между прочимъ ничтожною комедіею и т. д. Тяжело, и, признаемся, стыдно стало намъ —

тяжело и стыдно за литературу, въ которой голосъ того, кто училъ обращаться съ словомъ честно, былъ гласъ вопіющаго въ пустыни!

Боже! прахъ великаго челоуѣка недавно еще прикрытъ могильною плитою—а уже впечатлѣніе, оставленное въ душахъ его горестною кончиною, остыло — и безстыдное глумленіе преслѣдуетъ его за гробомъ — благо замолкъ этотъ карающій смѣхъ, обличительный смѣхъ надъ зломъ и порокомъ, надъ тупоуміемъ и ложью, — благо закрылись эти пронизательныя соколиныя очи, неумолимо слѣдившія людскую пошлость,—благо въ пыли валяется грозный бичъ, стегавшій больно всякую неправду.

Много печальныхъ размысленій пробѣжало въ головѣ пишущаго эти строки надъ могилою великаго, благороднаго, честнаго труженика — которой пошелъ онъ поклониться еще разъ, прочтя нѣсколько статей разныхъ газетъ и журналовъ. Возражать на нихъ—значило бы мало чтить память великаго челоуѣка: если я позволилъ себѣ и теперь, по прошествіи года почти, начать укоромъ Отечественнымъ Запискамъ, то единственно изъ сравнительнаго уваженія къ нимъ — и отчасти изъ чувства личнаго негодованія. Какъ ни малы мои собственныя заслуги въ русской литературѣ, но я позволяю себѣ считать за заслугу одно: — честное служеніе Гоголю при жизни его и по смерти,—и съ гордостью повторю, что при появленіи «Переписки съ друзьями» только двѣ критическихъ статьи отнеслись къ Гоголю съ прежнимъ уваженіемъ — статья Степана Петровича Шевырева въ Москвитянинѣ, и моя — въ издававшемся тогда Московскомъ Городскомъ Листкѣ. И какъ въ этой статьѣ, такъ и во всѣхъ моихъ статьяхъ, въ которыхъ говорилось что-либо о Гоголѣ, при жизни ли его (Возраженіе Просперу Мериме — Москвит. 1851 г. — Обзорніе литературы — Москвит. 1852), по смерти ли (Обзорніе литературы, Москвит. 1853 г. и многія другія статьи), я повторяю одно и то же — что «Римъ» считаю я однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Гоголя, наравнѣ съ «Шинелью» — и повторенія эти связаны для меня съ моимъ общимъ взглядомъ на двойственность натуры нашего поэта, высказаннымъ мною съ достаточною, какъ кажется, ясностью во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ. Римъ дорогъ для меня, кромѣ своей художественной красоты, еще тѣмъ, что нигдѣ поэтъ-идеалистъ и лирикъ «Вечеровъ на Хуторѣ», «Гарраса Бульбы», «Невскаго Проспекта», «Портрета» «Разъѣзда» — не высказалъ съ такою полнотою и ясностью своихъ положительныхъ требованій отъ жизни общественной и внутренней, — какъ нигдѣ съ

такой безпощадной последовательностью не проводилъ онъ ихъ отрицательно, какъ въ «Шинели».

Нападокъ на «Римъ», на лирическія мѣста «Мертвыхъ Душъ», на мистицизмъ «Портрета», на суровый, аскетическій идеализмъ «Переписки» — однимъ словомъ, на положительную сторону Гоголевскаго идеализма — въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наберется весьма много — и притомъ въ тѣхъ литературныхъ направленіяхъ, которыя превосходно цѣнили и тонко понимали отрицательную сторону этого идеализма.

Вопли на отрицательную сторону сосредоточивались, какъ известно, въ одномъ журналѣ, который много лѣтъ трудился надъ похвальнымъ дѣломъ — изуродовать русскій языкъ полонизмами, и не успѣвая въ этомъ, съ ожесточеніемъ кидался на все замѣчательное въ русской литературѣ, — и въ одной газетѣ, которая, выхваляя различныя кондитерскія и другія заведенія, ратоборствуетъ между прочимъ за чистоту русскаго языка и главное... за чистоту нравственности, понимаемой ею особеннымъ образомъ.

Какъ въ Гоголь самомъ видѣли и видимъ мы двѣ стороны, такъ въ нападеніяхъ на него также двѣ стороны. Какъ та, такъ и другая сторона нападеній имѣютъ свои основанія, свои причины — которыя разъ на всегда мы и рѣшаемся *разъяснить* до той очевидности, послѣ которой говорить будетъ не объ чемъ. Эти-то причины и составляли для насъ предметъ тяжелыхъ и печальныхъ размышленій.

Раздѣлимъ же наши замѣчанія на двѣ половины.

- 1.) О причинахъ нападеній на положительный идеализмъ Гоголя — автора «Рима» и «Портрета».
- 2.) О причинахъ нападеній на отрицательный идеализмъ Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

Увѣрены напередъ — не по ложному самолюбію, а по важности предмета, что первая половина будетъ весьма поучительна, вторая — весьма обличительна, а обѣ вмѣстѣ весьма печальны.

- 1.) О причинахъ нападеній на положительный идеализмъ Гоголя — автора «Рима», «Портрета» и проч.

Поищемъ въ самомъ Гоголь этихъ причинъ — и возьмемъ для сей цѣли его «Римъ», не праящійся въ особенности той сторонѣ, для которой положительный идеализмъ Гоголя былъ оскорбителенъ. Главная идея Рима — сопоставленіе мишурной, хотя блестящей и мятущейся цивилизаціи, лицомъ къ лицу съ спокойнымъ, величавымъ міромъ искусства, воспоминаній, простыхъ, но полныхъ красоты

формъ жизни, сопоставленіе, при которомъ преимущество выходитъ явно и правильно на сторону послѣдняго — торжество искусства надъ всеми чудесами промышленности, простоты надъ блескомъ, спокойной тишины надъ вѣчнымъ шумомъ, чистой красоты надъ искусственностью.

Съ такимъ содержаніемъ явился «Римъ» въ ту эпоху литературы, когда проповѣдывалось, что «гвоздь выкованный человѣческими руками — лучше и дороже самаго роскошнаго цвѣтка въ природѣ», что «лучше, еслибы въ Русской литературѣ было поменьше художественныхъ произведеній, а побольше беллетристики», и другія нелѣпости, всѣ выходившія изъ одного взгляда, или лучше сказать, нанесенныя однимъ повѣтріемъ.

Римъ былъ кромѣ того первымъ *неожиданнымъ* шагомъ Гогаля. До Рима — многимъ поклонникамъ его генія казалось, что онъ казнить невѣжество и другіе грубые пороки передъ идеаломъ современно-образованнаго чловѣка, идеаломъ, который всемъ образованнымъ людямъ доступенъ и многимъ можетъ быть по плечу. Не хотѣли видѣть, что уже въ «Невскомъ Проспектѣ» проглядываетъ желчное негодованіе на мишуру и фальшь поверхностной образованности — не хотѣли видѣть, что Хлестаковъ есть одинъ изъ ея представителей, а Городничиха, мечтающая объ *амбре* — одна изъ ревностныхъ адептокъ прогресса, со стороны его комфорта и внѣшняго блеска, — не хотѣли ничего этого видѣть, — писали тысячи повѣстей на тему борьбы развитыхъ и тонкихъ натуръ съ грубостью и невѣжествомъ окружающаго ихъ быта — и потому весьма непріятно были удивлены, 1) тѣмъ, что Римъ, т.-е. величавое искусство, простота, воспоминанія — поставленъ поэтомъ неизмѣримо выше Парижа, т.-е. настоящаго, кипящаго тревожною жизнью цивилизаціи, 2) тѣмъ, что душа героя «Рима» не удовлетворилась жизнью, кипящей тревогой, газетными толками, роскошью комфорта и т. д. — а ожила напротивъ, только что вдохнула въ себя воздухъ родныхъ воспоминаній, простаго безыскусственнаго быта и т. д.

«Римъ» наконецъ такъ явно высказывалъ точку зрѣнія великаго комика на родной нашъ русскій бытъ, такъ оправдывалъ его во всѣхъ взводимыхъ на него клеветкахъ въ томъ, что будто бы онъ чернить Россію. Многихъ поразило тогда приложеніе Рима къ Москвѣ, къ Руси вообще, полной воспоминаній прошедшаго, чистыхъ стремленій, невозмутимой семейной тишины.... Римъ однимъ словомъ служилъ прологомъ къ «Мертвымъ Душамъ» въ ихъ настоящемъ, русскомъ значеніи. а не въ томъ, которое хотѣли и хотятъ

еще досель придать имъ — забывая, одни по злобѣ, а другіе по тупоумію, — что герой ихъ Чичиковъ — трагическая жертва стремленій къ комфорту, вѣшнему блеску, вообще къ тому, что на европейскомъ языкѣ зовется прогрессомъ; не обращая вниманія на могучую поэзію картинъ кореннаго быта, разбросанныхъ по всей повѣсти, на духъ цѣлаго.

Sapienti sat — и мы полагаемъ, что слишкомъ очевидны причины вражды не только къ тому, что Гоголь высказывалъ въ Римѣ, въ Мертвыхъ Душахъ, въ видѣ предчувствій, какъ лирикъ — но и къ тому даже, что Островскій полагаетъ теперь уже съ полнымъ спокойствіемъ какъ драматургъ — ибо онъ продолжаетъ самостоятельно то, на чемъ остановился и по натурѣ своей долженъ былъ остановиться Гоголь.

2. § О причинахъ нападеній на отрицательный идеализмъ Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

Въ этомъ случаѣ причины гораздо многосложнѣе и запутаннѣе, потому что онѣ — мелче.

Первая причина заключается вообще въ ненависти къ правдѣ и къ обличенію — свойственной всякой неправдѣ, самолюбивой посредственности, грубымъ порокамъ и тонкимъ порокамъ, продажности, хвастливости, тупоумію — причина общая, психологическая.

Вторая причина — историческая. Есть національность, которая намъ — родная, хотя и много отличается отъ нашей своими чистоконными свойствами, родная по вѣрѣ и общей святинѣ, по исторической борьбѣ, по языку, по пѣснямъ, даже по безжалостной насмѣшливости — національность даровитаго славянскаго племени, изъ котораго происходилъ нашъ общій Гоголь, родной намъ великоруссамъ столько же, сколько и малороссіанамъ. Но кромѣ этихъ двухъ родныхъ національностей есть еще другія, — такъ какъ, по мнѣнію Ивана Антоновича кувшиннаго рыла — не одинъ Иванъ Григорьевичъ, а есть еще и другіе...

За симъ начинаются уже мелкія причины:

1.) До Гоголя можно было писать разныя нравоописательныя рассказы.

2.) До Гоголя былъ въ ходу нелѣпый романтизмъ и писались различныя «Аббадоны», «Блаженства безуміа» и проч.

3.) До Гоголя не знали, что такое юморъ, и считали просто-душно за юморъ непристойное паясничанье разныхъ фантастическихъ путешествій.

4.) До Гоголя можно было безнаказанно и весьма удобно писать историческіе романы, снимая изображенія знаменитыхъ предковъ прямо съ кучеровъ ихъ потомковъ.

5.) До Гоголя ловчье было иному господину, прикрывая себя маской блюстителя благочинія нравственности въ литературѣ, въ мутной водѣ рыбу ловить.

6.) До Гоголя не выведены были на свѣжую воду различные невинные манёвры господъ кричащихъ о нравственности и обижающихся всякимъ прямымъ обличеніемъ гадости и неправды — въ особенности, манёвръ, при всякомъ подобномъ случаетъ, обвинять обличителя въ оскорбленіи отечества. Гоголевскій «Разъездъ» былъ поэтому—горемъ *непереноснымъ* для любителей такихъ манёвровъ.

7.) До Гоголя—можно было безнаказанно и даже съ нѣкотораго рода милымъ остроуміемъ объявлять во всеуслышаніе, печатно, теорію «битья по карманамъ» въ литературѣ. Слова, что «съ словомъ надобно обращаться честно»—были тоже непереносны для такихъ остроумныхъ людей.

8.) Гоголь, будучи другомъ Пушкина, Жуковского и другихъ литераторовъ, говоря имъ словесно и печатно: ты,—не былъ въ сношеніяхъ со многими другими, съ тѣми другими, которыхъ разумѣетъ Иванъ Антоновичъ кувшинное рыло, и притомъ до такой степени, что даже и по смерти они не могли выискать повода навязаться въ друзья къ нему, какъ навязывались они—и притомъ довольно успѣшно, въ друзья къ другимъ покойникамъ, подобно неотвязнымъ червямъ.

9.)... Но не довольно ли исчислять причины?.. Дѣло въ томъ, что Гоголь былъ поэтъ оскорбительный съ двухъ сторонъ: такъ ужъ Богъ его создалъ!—и могъ бы сказать о себѣ:

Въ меня всѣ ближніе мои
Кидали бѣшено камень!

Ясно, что изъ такихъ отношеній критики къ Гоголю, не можетъ въ настоящую минуту произойти правильная оцѣнка произведеній одного изъ первостепенныхъ представителей русской мысли и русскаго слова. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, жаркіе поклонники невольно увлекутся весьма понятнымъ пристрастіемъ, которое безъ сомнѣнія выше обозначенныхъ нами отношеній, но все-таки отводить отъ рѣшенія вопроса о значеніи Гоголя, о причинахъ болѣзненного нравственнаго процесса, въ немъ совершавшагося, о причинахъ недовольства художника самимъ собою и своими трудами: ибо

если подь причины душевнаго переворота стануть подыскиваться такимъ непохвальнымъ образомъ и съ такою неприязненностью, какія видны въ статьѣ Отеч. Записокъ по поводу «Опыта Біографіи»—или, если будутъ продолжать пѣть ту старую пѣсню о «Перепискѣ», которую поетъ г. Новый Поэтъ,—или, если будутъ различать Гоголя, автора «Рима» отъ автора «Шинели» и «Ревизора», не видя вцутренней связи между этими произведеніями,—естественно, что всякое добросовѣстное желаніе объяснить значеніе Гоголя замолкнетъ, ибо всякое объясненіе будетъ истолковано враждебно, судя по фактамъ. Въ критикѣ таится еще что-то противъ Гоголя, что-то, иными смутно, иными ясно сознаваемое, но во всякомъ случаѣ препятствующее правдивой оцѣнкѣ его дѣятельности.

Ничего такого нѣтъ, да и не можетъ быть въ отношеніяхъ критики къ Пушкину, для котораго наступаетъ уже потомство—и между тѣмъ, всѣ статьи, появившіяся по поводу превосходнаго изданія его сочиненій, за исключеніемъ отличной статьи даровитаго г. Дружинина, напечатанной въ «Библіотекѣ для чтенія», свидѣлствуютъ о крайнемъ безсиліи и истощеніи критики. Кажется, современная критика увѣрена, что не только о Пушкинѣ, но и обо всѣхъ писателяхъ его періода, все уже сказано и нечего больше говорить. Вотъ какъ выражается напримѣръ этотъ взглядъ, по поводу новаго изданія сочиненій Козлова: (Соврем. Іюль, Библіографія, стр. 7.)

«Это изданіе перепечатка прежняго, вышедшаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прежнее изданіе, какъ было уже доказано въ «свое время, не отличалось совершенною полнотою, и между прочимъ пропустило одно изъ довольно значительныхъ произведеній, въ которомъ поэтически рассказывается жизнь Байрона. Такимъ образомъ, для желающаго *открывается полная возможность пуститься въ мелочныя розыски о пропущенныхъ и старымъ и новымъ изданіями стихотвореній автора «Чернеца».* Открывается и другое поле для новыхъ разысканій по случаю новаго изданія сочиненій Козлова—подробной біографіи его не существуетъ; всѣмъ извѣстно только, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда имѣлъ несчастіе ослѣпнуть».

И показавши достаточно собирателей мелкихъ бібліографическихъ извѣстій, статья говоритъ: (стран. 9.)

«Прежній бібліографическій жаръ уже значительно остылъ, но «возбужденные имъ голословные толки о необходимости подвергнуть нашу литературу новой оцѣнкѣ, о неосновательности прежнихъ сужденій и т. д., все еще продолжаются—потому неизлишне

«возразить на них фактами. Русскимъ писателямъ остается еще такъ много сдѣлать для удовлетворенія нуждамъ настоящаго, что всякая трата времени и мыслей на передѣлку того, что уже прекрасно сдѣлано ихъ предшественниками, приноситъ положительный ущербъ литературѣ. Нива настоящаго—выражаясь «фигуральнымъ языкомъ—нуждается въ дѣтеляхъ, а не безплодные «пустыри прошедшаго, поле котораго (мы говоримъ объ исторіи «русской литературы) давно изслѣдовано на сколько требовалось «и допускалось имъ изслѣдованіе.»

И въ доказательство, что все въ прошедшемъ уже изслѣдовано давно, приводится статейка о Козловѣ изъ старыхъ Отеч. Записокъ, какъ диво нѣкое, сужденіе о сочиненіяхъ Козлова, которое,—по словамъ библіографа Современника—«дѣлаетъ совершенно бесполезными «всякія дальнѣйшія изслѣдованія и переизслѣдованія о ихъ достоинствахъ и значеніи для русской литературы» Полно такъ ли? Статьейка дѣйствительно писана однимъ изъ даровитѣйшихъ людей, но какъ все, что писалъ этотъ даровитый, но мало грамотный человекъ, представляетъ какой-то хаосъ съ яркими проблесками свѣта; двѣ три удивительно верныхъ мысли, два-три тонкихъ замѣчанія въ хламъ парадоксовъ, горячихъ обмолвокъ, пристрастныхъ крайностей; такія статьи должны быть сами подвергнуты оцѣнкѣ—и необходимость подвергать ихъ таковой оцѣнкѣ, подтверждаетъ какъ нельзя болѣе выше высказанную нами мысль, что въ настоящей критикѣ полемика можетъ бороться только съ слѣдами критики прежней: настоящая истощенная, одряхлѣвшая критика ссылается только на прежнюю,—убѣждена, что прежняя критика все уже сдѣлала, что больше и дѣлать нечего. И она права въ отношеніи къ себѣ: ей точно нечего дѣлать.

Разсмотримъ же для приѣтра приводимую Современникомъ статью. Это не будетъ уклоненіе, ибо наглядное объясненіе причинъ, почему современная критика не видитъ для себя дѣла въ сочиненіяхъ второстепенныхъ писателей какъ Козловъ, подведетъ насъ къ причинамъ, объясняющимъ безцвѣтность критической дѣятельности въ отношеніи къ Пушкину.

«Слава Козлова» — такъ начинается приводимая библіографомъ Современника статья—«была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ «эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде чѣмъ была «напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть и мужичины. «Чернецъ» возбуждалъ «въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первая поэма Пушкина,

«съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ «въ уровень со всеми натурами, со всеми чувствами и понятіями, «былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ на- «шей литературѣ послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Каждое изъ этихъ «произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей пуб- «лики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положитель- «ной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ ихъ появленіи и скорый «конецъ—совершенно одинаковы: ибо повторяемъ, оба эти произ- «веденія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: *всѣ «разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чер- «нецъ» разумѣется, несравненно выше.»*

Мысль сближенія «Чернеца» съ «Бѣдной Лизою» удивительно вѣрна съ точки зрѣнія исторической критики, — но неизмѣримая высота «Чернеца» передъ Лизою, основанная на одномъ только вре- мени ихъ изданія, вышла изъ мысли дикой вообще, а къ искусству и вовсе неприложимой. Въдъ если мѣрять достоинство произве- деній по времени ихъ выхода, такъ современная Французская коме- дія будетъ выше Мольеровской и т. д. Мало ли вообще до какихъ нелѣпостей можно добхать на конькѣ времени! За сямъ критикъ сдѣлаетъ паѳоса и продолжаетъ:

«Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе Байро- «нова «Джяура» — есть общее между ними и въ изложеніи. Но это «сходство чисто вѣншнее: «Джяуръ» не отражается въ «Чернецѣ» «даже и «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ», хотя «Чернецъ» и есть «явное подражаніе «Джяуру». Причина этого заключается сколько «въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ «духовныхъ натуръ. «Чернецъ» поющъ чувства, насквозь проник- «нутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновен- «наго успѣха. Но это чувство только тепло; не глубоко, не сильно, «не всеобъемлюще. Страданія «Чернеца» возбуждаютъ въ насъ со- «страданіе къ нему, а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше рас- «положеніе, но не больше. Покорность воли Провидѣнія (Resignation) «великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между «самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчая- «нію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго «пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотверженіе перваго только «неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе втораго — вели- «кая победа. свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности «надъ чувственностью. *Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если «оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и*

«претитительно несущей свое несчастье,—въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное «смирненіе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе»—самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершается собственною силою челоуька. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва.»

Въ этой тирадѣ, кромѣ указанія на заимствованное изъ Гюгера содержаніе Чернеца, все остальное есть пафосъ. Пафосъ этотъ во-первыхъ къ дѣлу не идетъ, ибо Козлова надобно было и мѣрить условіями натуръ ему родственныхъ, а не условіями натуры Байрона, ему чуждой—и вмѣсто опредѣленія натуръ, подобныхъ Байрону, слѣдовало бы въ самыхъ стихотвореніяхъ Козлова уловить его собственный нравственный образъ, показать, во что именно, въ натурахъ нѣжныхъ и кроткихъ, претворяется Байроновское разочарованіе и т. д. Во-вторыхъ, пафосъ этотъ, хотя и пафосъ истинный, но односторонній. Чѣмъ же голуби виноваты, что они не львы! Въ-третьихъ, самая сила этого пафоса была вредна тѣмъ, что заставила можетъ быть не одного литературнаго и нравственнаго голубя раздуться всеми мѣрами во льва. Рецензентъ такъ краснорѣчиво рассказываетъ о вулканическихъ натурахъ, что невольно дразнить ими и дразнить неумѣстно: то, что было бы хорошо въ статьѣ о Байронѣ,—дѣйствовало весьма вредно, когда появлялось безпрестанно во всѣхъ статьяхъ, какъ въ этой статьѣ о Козловѣ,—а между тѣмъ родъ дѣятельности Козлова и нравственно-поэтической образъ его нисколько не опредѣляло.

«Тѣмъ не менѣе, страданія Чернеца, высказанныя прекрасными «стихами, дышащими теплотою чувства, плѣнили публику и возлюбили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ «самъ особенно любилъ его передъ всеми своими созданіями.

«И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова, «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что «Чернецъ»: въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія, почему онѣ «растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ никакой истины: героиня—Нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская «деревенская дѣвка.»

Это уже оцѣнки голословныя. Поэма «Наталья Борисовна Долгорукая»—страждетъ не недостаткомъ содержанія, прекраснаго и поэ-

тического, а ходульностью приемовъ въ изображеніи предметовъ, ходульностью, не выкупаемого даже прекрасными поэтическими мѣстами. Въ Безумной же точно нѣтъ никакой истины, но опять не потому, почему думаетъ рецензентъ, допускающій только въ Немкахъ ту возвышенность чувства и ту степень страстности, въ которой онъ отказываетъ *русской деревенской дѣвкѣ*, а отъ неумѣнья Козлова взяться за дѣло проще.

Далѣе рецензентъ весьма справедливо замѣчаетъ о балладѣ «Венгерскій лѣсъ» что кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, но несправедливо упрекаетъ Козлова въ недостатокъ сжатости перевода Крымскихъ советовъ. Кто знакомъ съ подлинникомъ, тотъ пойметъ, что лучше Козлова передать ихъ по-русски почти нельзя. Справедливо замѣчаніе о недостаткѣ энергіи въ переводѣ Абидосской Невѣсты, но надобно было упомянуть, что это замѣчаніе не относится ко многимъ другимъ переводамъ изъ Байрона: нельзя было не остановиться на такихъ удивительныхъ воспроизведеніяхъ, какъ «Ночь въ замкѣ Лары», «Явленіе Франчески», сцена изъ Манфреда; нельзя было пройти молчаніемъ задушевность, мелодичность, благоуханіе многихъ другихъ воспроизведеній слѣпаго пѣвца, каково извѣстное мѣсто Дантова Ада: «Франческа», переданное во «Снѣ» съ удивительною грустью и мелодичностью, переданное такъ потому, что оно было почувствовано глубоко даровитымъ поэтомъ.

Франческа! Я грустилъ твоей тоскою

говорить онъ, и воспроизводитъ въ чудныхъ, задушевныхъ стихахъ ея исповѣдь. Нельзя было опустить изъ виду того пламеннаго русскаго чувства, которымъ проникнуты обращенія Козлова къ Москвѣ, къ родинѣ—прекрасныя лирическія мѣста его поэмъ и посланій. Вообще то, что Козловъ русскій поэтъ, и въ какой степени онъ русскій поэтъ, и что именно въ его чувствахъ—русскаго, все это не входило въ разсмотрѣніе, равно какъ не опредѣлена степень его самобытности, его особенности,—а статья Современника, выписывая эту статью, увѣряетъ, что послѣ нея говорить больше нечего. Бѣдный Козловъ почему-то не отнесенъ даже къ числу художниковъ,—за нимъ не утверждена даже его оригинальность, очевидная для его читателей, несмотря на то, что большая часть его произведеній—переводы,—а между тѣмъ Современникъ думаетъ, что о немъ нечего говорить—и вотъ какъ кончаетъ свою статью:

«Кто читалъ сочиненія Козлова, тотъ согласится въ вѣрности «и полнотѣ сужденія, приведеннаго нами. Что же можно прибавить

«къ этимъ словамъ, сказаннымъ уже давно? Развѣ новыя изслѣдованія «о различныхъ редакціяхъ «Чернеца» (отъ чего же нѣтъ? и это не бесполезно, только не въ статьѣ конечно, а въ новомъ, хорошемъ изданіи Козлова), «или новыя подробнѣйшія сличенія «Безумной» съ «Чернецемъ» (Да — если такія сближенія и сличенія наведутъ на указаніе настоящихъ, а не воображаемыхъ недостатковъ Козлова) и перевода Абидосской Невѣсты съ оригиналомъ? (не мѣшаетъ). Или «разысканія о томъ, въ какомъ журналѣ «въ первый разъ напечатано то «или другое стихотвореніе.» (Въ хорошемъ, добросовѣстномъ изданіи, опять таки и это не мѣшаетъ—и смѣшнаго тутъ ровно нѣтъ ничего. Козловъ сдѣлать хорошаго изданія.) «Или разсужденія съ цѣлю доказать, «что Венгерскій лѣвъ не есть подражаніе, а твореніе самостоятельное, «высокое, значеніе котораго доселѣ необъяснено? Можно, если угодно, «дѣлать и это; но прежде должно подумать о томъ, не лучше ли «употребить время и трудъ на что-нибудь болѣе важное.»

Мы отъ души желаемъ, чтобы критика наша употребляла время и трудъ на что-нибудь вообще важное, но къ сожалѣнію этого не видимъ. Въ важныхъ случаяхъ видимъ только ссылки на прежнее—тамъ, дескать, все уже рѣшили.

Перейдемъ же теперь къ критическимъ статьямъ, явившимся по поводу новаго изданія сочиненій Пушкина. Повторимъ опять, что всѣ онѣ, за исключеніемъ статьи г. Дружинина, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ подъ конецъ нашего разсужденія, обличили крайнее безсиліе критики. Критикъ «Современника» былъ всѣхъ откровеннѣе; онъ рѣшительно сказалъ, что: «давно уже произведенія «Пушкина превосходно оцѣнены, и, на сколько то возможно было, «объяснены эстетическою критикою». Другіе только перефразировали «Матеріалы для Біографіи Пушкина» г. Анненкова и излагали ихъ содержаніе. Неужели въ самомъ дѣлѣ только и можетъ дѣлать въ наше время критика въ отношеніи къ Пушкину, что ссылаться на старую критику, да перепечатывать трудъ г. Анненкова? Что же такого фундаментальнаго сдѣлала старая критика? Да ежели бы даже и сдѣлала она что-либо, то неужели трудами ея и исчерпывается вся возможная дѣятельность эстетическая въ отношеніи къ такому писателю, каковъ Пушкинъ? Ежегодно въ Германіи и не рѣдко въ самой Англійи являются новыя сочиненія о Шекспирѣ, и никому въ голову не приходитъ, чтобы труды Колериджей, Дрековъ, Ульрици, Гервинусовъ, даже Зиферсовъ были бесплодны. Во Франціи—до сихъ поръ занимаютъ историческою и эстетическою оцѣнкою

писателей XVII вѣка — а тутъ объявляютъ, что нечего больше и говорить послѣ старой критики о такомъ великомъ поэтѣ Россіи, каковъ былъ Пушкинъ. Согласитесь, что подобной мысли никогда и нигдѣ еще не провозглашалось печатно, кромѣ несчастной русской литературы, страдающей постояннымъ недугомъ безнарядицы!

Но однакожь, что сдѣлано критикою въ отношеніи къ Пушкину такого, что исключало бы возможность всякой дѣятельности или по крайней мѣрѣ настоятельную потребность ея? Критическія статьи о Пушкинѣ намъ довольно хорошо извѣстны. Мы знаемъ, что много хорошихъ частныхъ найдется въ статьяхъ современныхъ появленію его произведеній, знаемъ, что много прекрасныхъ эстетическихъ замѣчаній наговорено въ статьяхъ о Пушкинѣ, тянувшихся въ прежнихъ Отечественныхъ Запискахъ, изъ которыхъ четыре первыхъ, самыя громадныя, къ Пушкину не относятся, а толкуютъ, какъ «*ничто*», написанное Воркуловымъ Евдокимомъ—«*обо всемъ!*» что прекрасныя эстетическія замѣчанія надобно часто искать въ этихъ статьяхъ въ хаосъ необузданнаго паэоса, безконечныхъ отступленій, дикихъ нравственныхъ положеній и т. д., — что надъ этими статьями, однимъ словомъ, нужно тоже совершать работу и извлечь изъ нихъ существенное и нужное. Мы знаемъ кромѣ того статьи г. Мартынова въ Маякѣ, обвинявшія героевъ Пушкина въ уголовныхъ преступленіяхъ, самаго же поэта въ безбожїи и безнравственности, мы знаемъ статьи Полеваго, статьи г. Недоумки,—мыслителя безъ сомнѣнія честнаго, но чловѣка безъ эстетическаго вкуса, какъ доказываютъ всѣ статьи его, преимущественно же «Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ»—гдѣ онъ бросаетъ перчатку за Пушкина, а самъ не понимаетъ въ «Борисѣ» рѣшительно ничего,—и знаемъ, что ничѣмъ нами исчисленнымъ, не только не исчерпана эстетическая критика въ отношеніи къ Пушкину, но едвали и начата порядкомъ. Совершенно ли трудъ надъ Пушкинымъ, какъ надъ поэтомъ обще-европейскимъ, т.-е. опредѣлены ли особенность его взгляда на жизнь, художественной манеры и проч. сравнительно съ другими великими его собратіями—съ Шекспиромъ, Гёте, Шиллеромъ, Байрономъ, Мицкевичемъ и иными? Показано ли значеніе его какъ поэта народнаго, опредѣлены ли элементы, изъ которыхъ истекла его творческая дѣятельность, вліянія, которымъ онъ подвергался, и вліянія имъ произведенныя? Изслѣдованы ли плоды его дѣятельности—изъясненъ ли изъ собственныхъ его произведеній — его поэтическо-нравственный образъ? Возьмите, напримѣръ, одно чувство любви, отношенія къ женщинамъ, и прослѣдите его у Пушкина, сравнительно съ другими его собратіями:

если найдете рѣзкія особенности — объясните ихъ народностью поэта или свойствами его натуры и т. д. Надъ Пушкинымъ надобно работать, надобно *начать* на немъ перевоспитываться морально и эстетически, если воспитывались не на немъ, а на г. Некрасовѣ, Щербинѣ и иныхъ. О языкѣ Пушкинскомъ, о стихѣ его сказано ли что-нибудь дѣльное и основательное... *Дѣло* въ отношеніи къ Пушкину сдѣлано только г. Анненковымъ, сдѣлано честно, умно, талантливо, за что ему и поклонъ отъ лица всей Россіи, — но нельзя же только обирать трудъ г. Анненкова, а надобно дѣлать что-либо и самимъ. Чтò же сдѣлано при появленіи изданія критикою? Критика Отеч. Записокъ избрала себѣ цѣль довольно скромную, указать на достоинства и недостатки изданія. Критикъ Современника въ двухъ статьяхъ перефразируетъ трудъ г. Анненкова, въ третьей приступаетъ къ труду самостоятельному. Какую же самостоятельную задачу избрала себѣ критикъ Современника?... Странно и вымолвить, въ чемъ заключается эга самостоятельная задача. Цепопятно даже, какъ такая задача можетъ придти первая въ голову критика, принимающагося за Пушкина. Эта задача — не болѣе не менѣе какъ — оправданіе отношеній критики къ дѣятельности Пушкина, доказательство несправедливости горькихъ жалобъ или горькаго равнодушія поэта къ его цѣнителямъ!!! Читатели можетъ быть не ввѣрятъ?

«Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія Руслана «и Людмилы, началось шумное и чрезвычайно сильное критическое движеніе въ тогдашнихъ журналахъ: многіе даже воображаютъ, будто борьба противъ и за Пушкина въ теченіе цѣлыхъ «шестнадцати лѣтъ (1820—1836) такъ же занимала перья журналистовъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ «защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. «Если собрать все, чтò было написано въ журналахъ двадцатыхъ «годовъ, о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса «будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, на- «примѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго: «Бѣдность «не порокъ». Въ тощихъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ, страницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и «вялыми статейками о неимоверно сухихъ предметахъ. Отзывы о «явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немно- «гими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣятельности Пушкина критика получила болѣе развитія» (НВ. Положимъ,

что все это и правда, но что же это доказывает? Не отсутствие движенія, а отсутствие толщины въ журналахъ и пухлости въ статьяхъ. Движеніе было—постоянное, сильное, хотя и не выражалось огромными статьями. Мы вотъ теперь пишемъ большую статью въ доказательство отсутствія движенія въ нашей критикѣ!) *«Другая ошибка, еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто критика, современная Пушкину, не умѣла цѣнить его. Мы во-все не имѣемъ желанія превозносить прошедшее: готовы сказать о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми людьми, которые наиболее строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не менѣе должны мы сказать, что люди умные и, по своему времени, очень проникательные существовали всегда; что каковы бывають писатели, точно таковы же бывають критики — тѣ и другіе рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ».*

Стало быть по Сенькъ шапка, по Пушкину Полевой! прекрасное заключеніе — и на основаніи его-то построилъ свою статью безымянный критикъ. Вся цѣль его статьи доказать, что критика Телеграфа и другихъ журналовъ въ отношеніи къ Пушкину была не такъ придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. — И чѣмъ же доказываетъ онъ свое положеніе? 1) На стран. 6 своей статьи, пародіей на стихотвореніе Пушкина: Поэтъ и чернь, помѣщенной въ Телеграфъ, пародіей, которую, какъ безчестящую ея, можетъ быть, одумавшагося сочинителя, не слѣдовало перепечатывать, пародіей, ругающей надъ великимъ поэтомъ, имѣвшимъ право сказать о себѣ:

«Что чувства добрыя я лирой возбуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ—

пародіей, не только не возбуждающей негодованія критика, но даже снабженной толкованіемъ, въ которомъ почтенный и даровитый Дельвигъ названъ литературнымъ клієнтомъ Пушкина!... Спрашиваемъ г. критика, думалъ ли онъ о Пушкинѣ или вообще о чемъ-нибудь, переписывая такіе стихи пародіи, обращенные къ поэту:

«Лжи, лести, низости уроки
 Ты проповѣдуешь шутя.
 Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ,
 Зачѣмъ презрѣнной славы льстецъ,
 Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
 Врачишь лавровый свой вѣнецъ?

Критикъ замѣчаетъ еще снисходительно, что форма пародіи очень жестка, но что самъ Пушкинъ выражался жестко въ статьяхъ Теофилакта Косичкина! Читалъ ли г. критикъ правдивыя, благородныя статьи Теофилакта Косичкина? Статьи Косичкина устремлены не на лицо, а на темныя стороны жизни и литературы, которыхъ лицо является случайнымъ представителемъ, а пародія обращена на Пушкина, на челоѵка, которому мы всѣ, если не безыменный критикъ, обязаны лучшею частію самихъ себя! 2) Далѣе, безпристрастіе и правдивость журналовъ критикъ доказываетъ насмѣшками надъ Евгеніемъ Онѣгинимъ и требованіями какой-то *степенности* отъ поэта — и только. Изъ двухъ-трехъ статей такого же рода, г. критикъ выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Кажется трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно».

Нѣтъ, г. критикъ! Вы видно не взглянули на исторію критики какъ настоящій историкъ! Вы, — извините насъ, — не прослѣдили даже хорошо критическихъ статей того времени. Даже о статьяхъ г. Недоумки, котораго эстетическій вкусъ вы защищаете, — вы знаете кажется только по наслышкѣ! Если бы исторія критики знакома была вамъ точно по источникамъ, вы бы не то увидѣли! Вы увидали бы не тѣ явленія, которыя приводите: — васъ поразило бы странною непониманіемъ Пушкина даже и такую критикою, которая умѣла горячо, пламенно ему сочувствовать, васъ поразило бы по преимуществу, что критика *дорастаетъ* постепенно до Пушкина. Какое, напримѣръ, покажется вамъ, вотъ этотъ отрывокъ изъ «Литературныхъ мечтаній» челоѵка, пламенно сочувствовавшаго Пушкину, писанный, какъ вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, въ 1834 году, отрывокъ, въ которомъ поклоненіе Пушкину, не смотря на громкія слова, такъ еще робко, гдѣ еще рассказывается, что Пушкинъ творилъ шала и играя (а мы знаемъ теперь, благодаря г. Анненкову, какъ дорого доставались *баловню природы* эти шалости и игры), гдѣ еще не узнаютъ Пушкина въ его сказкахъ и въ его Анджемо. А статья писана пламеннымъ поклонникомъ поэта, который послѣ, повывросши, понималъ сербзность Пушкинскихъ шалостей и игръ, восторгался суровою жесткостью манеры, въ которой написанъ Анджемо, и простотою сказокъ, хотя не понималъ послѣднихъ, по малой грамотности.

«Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. «Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною «способностью принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія,

« онъ перепробоваль всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка;
 « онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, яв-
 « леніямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда
 « Россія, *переставилъ впритѣхъ въ несомнѣнность вѣковыхъ правилъ,*
 « *самую мудростью извлеченныхъ изъ писаній великихъ гениевъ,*
 « и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ нравахъ, о другихъ мірахъ
 « мыслей и понятій, и новыхъ неизвѣстныхъ ей дотолѣ взглядахъ
 « на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ,
 « будто онъ подражалъ *Шенье, Байрону* и другимъ: *Байронъ* вла-
 « дѣль имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ
 « вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому
 « великому явленію. Да—Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго
 « ему міра, представителемъ современнаго ему челоѣчества, но міра
 « Русскаго, но челоѣчества Русскаго. Что дѣлать? Мы всѣ гени
 « самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все приобрѣли, не
 « проливши ни капли крови (??), а веселись и игралъ, (?) словомъ:

Мы всѣ учились по немногу,
 Чему-нибудь и какъ-нибудь.

« Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности, переходилъ къ
 « суровому труду.

Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

« отъ труда опять къ молодымъ пирамъ, сладкому бездѣлью и легко-
 « крылому похмѣлью. *Ему недоставало только нѣмецко-художест-*
 « *веннаго воспитанія* (NB и слава Богу). *Баловень природы, онъ шалалъ*
 « *и играя похищалъ у ней плынительные образы и формы, и, снисхо-*
 « *дательная къ своему любимцу, она роскошно одѣяла его тѣми цвѣ-*
 « *тами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями*
 « *юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ*
 « *чародѣй, онъ въ одно и тоже время исторгалъ у насъ смѣхъ и*
 « *слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ, и какъ*
 « *кизумлена была Русь звуками его голоса: и не диво, она*
 « *еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушива-*
 « *лась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ нервы ея*
 « *жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши*
 « *провинціи, въ глуши угѣднаго городка, въ лѣтніе дни изъ рас-*
 « *творенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, подобные*
 « *шуму волнъ или журчанію ручья...* (NB. Восхитительныя поэти-
 « ческія строки! Вотъ какъ учиться писать, т.-е. чувствовать, г. кри-
 « тикъ, для того чтобы выступить съ статьею о Пушкинѣ, и тогда

вы можете разрешить вопрос—можно или нетъ еще что-либо намъ писать. Не знаемъ, цѣните ли вы такъ, какъ мы цѣнимъ и чувствовали въ свое время всю даровитость этого живо чувствующаго критика. Это—не Полевой и не г. Недоумко—а между тѣмъ и онъ *выросла* съ произведениями Пушкина, и его Пушкинъ опредѣлилъ такъ же вѣрно и мѣтко, какъ вѣрно и мѣтко опредѣлялъ онъ часто однимъ словомъ различныхъ дѣятелей!)

« Не возможно обозрѣть всѣхъ его созданий и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать все деревья и цвѣты *Армиды* сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его могучая бѣсѣда съ моремъ, его вѣщяя дума о Наполеонѣ—поэмы. Но самыя драгоценныя алмазы его поэтическаго вѣнка, безъ сомнѣнія суть Евгений Онегинъ и Борисъ Годуновъ. *Я никогда не кончилъ бы, еслибы началъ говорить о нихъ произведенійхъ* » (НВ. А вы, г. критикъ, думаете, что все покончено, что и говорить болѣе не объ чемъ,—развѣ только о *справедливости* критики, современной произведеніямъ Пушкина!)

« Пушкинъ царствовалъ десять лѣтъ; Борисъ Годуновъ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полного собранія его стихотвореній, замерли звуки его гармонической лиры. *Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время.* Можетъ быть его уже нетъ, а можетъ быть онъ и воскреснетъ, этотъ вопросъ, это Гамлетовское быть или не быть, скрывается во мглѣ будущаго. *По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ Анджели и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимъ въ Новосельѣ и Библиотекѣ для чтенія* » (НВ. А въ Библиотекѣ для чтенія напечатанъ былъ «Гусарь», одно изъ художественнѣйшихъ произведеній поэта!) *«мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю.* Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи, вмѣстѣ злой и тоскливой, которая поражали умъ своею игрою; гдѣ теперь *эти картины жизни и природы, передъ которыми блѣдна была жизнь и природа.* » (Ясное дѣло, что критика была еще молода, когда Пушкинъ вступалъ въ возрастъ мужества; выросла—и стала понимать Пушкина—

мужа. Но какъ ей искренно жаль молодости Пушкина! Какъ свяжа и могуча въ самомъ дѣлѣ эта критика! какъ вѣрнѣе она въ искусство, въ то: что произведенія искусства могутъ быть выше произведеній жизни и природы—и что бы сказала она, эта критика, на которую критика теперешняя ссылается, еслибъ увидала дикія положенія недавно вышедшей книги г. Чернышевскаго, встрѣченной весьма благосклонно критикою на нее ссылающеюся?) «Увы! вмѣсто «ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и «полубогатыми римами» (NB. Увы! можемъ и мы воскликнуть.—критикъ псевдомо было, какъ начинало надобѣдать поэту однообразіе этихъ богатыхъ и полубогатыхъ римѣвъ, какъ тревожимъ онъ былъ искаженіемъ новыхъ формъ—увы! все это и мы узнали только изъ труда г. Анненкова, да не оцѣнили еще по достоинству ни Пушкина, ни труда его издателя! Увы! увy! увy!), «съ пѣническими вольностями, «ко коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубоко-мысленно разсуждали архимандритъ *Аполлосъ* и г. *Остолоповъ!* «*Странная вещь, непонятная вещь!* Неужели Пушкина, котораго «не могли убить ни изступленные похвалы энтузіастовъ, ни хвалебныя гимны торгашей, ни сильныя, не рѣдко справедливыя нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило «Ню-«воселье» г. Смирдина? *И однакожь, не будемъ слишкомъ поспѣшны «и опрѣмѣтчивы въ заключеніяхъ нашихъ, о Пушкинѣ. Пушкина «судить не легко. Вы вѣрно читали его элегію въ Октябрьской «книжкѣ Библиотеки для чтенія. Вы вѣрно были потрясены глу-«бокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это зданіе? Упомяну-«тая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею «ко Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что за-«ключаетъ въ себѣ вѣрную характеристику Пушкина какъ ху-«дожника:*

Порой опять гармоніей упоюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

«*Да, я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрад-
«ную муку отверженной любви черноокой Черкешенки или своей
«плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала
«его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиремъ,
«томялся этою тоскою души пресыщенной наслажденіями и
«все еще не вѣдавшей наслажденія; что онъ горѣлъ неистовымъ
«огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался
«дикой любовью Земфиры; что онъ скорбѣлъ и радовался за
«свои идеалы, что журчанье его стиховъ согласовалось съ его*

«*рыдаліями и сльзою*». (NB. Опять мѣсто, отличающееся удивительнымъ сочувствіемъ къ изящному, поэтическому пониманію изящнаго, неотразимо увлекающею върою въ жизнь и искусство!) «Пусть скажутъ, что это пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что *Пушкинъ* мистифируетъ Библиотеку для чтенія, чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. *Я вѣрю, думаю, и мнѣ отрадно вѣрить и думать*, что Пушкинъ по-даритъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ.» (Молва 1834 г. N 50, стр. 397, 398, 399, 400).

Что вы скажете объ этомъ отзывѣ добросовѣстной, сочувствующей, вѣрующей критики, отзывѣ, въ которомъ удивительное пониманіе идетъ объ руку съ удивительнымъ же непониманіемъ,—вы, г. критикъ, взявшій на себя задачу оправдать критику въ ея отношеніяхъ къ Пушкину, вы, равнодушно перепечатавающій злые пасквили на «мирнаго поэта», вѣроятно потому, что критикъ больше нечего дѣлать въ отношеніи къ Пушкину, какъ перепечатывать на него пасквили?

Приведенное нами мѣсто изъ старой критики, время Сатурна, критики низвергнутой по всему праву ту критику время Урана, которую принялся такъ неудачно защищать г. новый критикъ Современника—само по себѣ очень назидательно, но будетъ еще назидательнѣе, когда мы объяснимъ его современными ему свидетельствами.

Когда въ 1839 году вышла вторая часть «Новоселья», въ которой напечатана въ первый разъ повѣсть «Анжело», въ 22 N Молвы появилась слѣдующая статья. По пламенному сочувствію къ Пушкину, по поэтическому пониманію поэта, статья принадлежитъ очевидно тому же перу, которое писало «Литературныя мечтанія». Замѣчательнѣе въ высокой степени отзывъ объ «Анжело» своею неустрашимою вѣрностію.

«*Анжело*», повѣсть въ стихахъ Ал. Пушкина, въ трехъ частяхъ. Пѣса сія заслуживаетъ полное вниманіе критики, *хотя едва ли воспользуется такимъ же отъ публики.*» (NB. Каково предвѣденіе? Что, еслибъ оно смогло не сробѣть?) «Замѣтимъ предварительно, что эта горсть людей у насъ читающихъ и слѣдовательно читающихъ Пушкина, такъ еще малочисленна, такъ мало внимательна къ авторамъ ею читаемымъ, что у ней не можетъ образоваться различныхъ мнѣній, и слѣдовательно сужденій о писателѣ Нѣтъ, она съ плеча, однимъ махомъ, по двумъ, тремъ пѣсамъ, составляетъ свое мнѣніе объ сочинителѣ; и *послѣ, что хотите дѣлайте*, вы не

«собратье ее съ этого понятія, или, что еще хуже, если будете усиливаться, сами проиграете непременно.» (NB. Да, замѣтимъ мы, даже сами отступитесь, если вы еще молоды, если ваши основанія шатки, если вы малограмотны, что и сдѣлалось.) «Безспорно, что несравненный, единственный современный талантъ Пушкина, сдѣлался извѣстенъ у насъ первыми произведеніями его юности, хотя быть можетъ и не всегда отчетистыми, но всегда горячими, пылкими, истинно-поэтическими. Первое впечатлѣніе рѣшило славу его, положило основной камень мнѣнію публики о Пушкинѣ. Каждый стихъ его, каждое слово ловили, записывали, выучивали и всюду думали видѣть тѣнь или блескъ того же характера пылкой, стремительной юности, по произведеніямъ которой составили о немъ понятіе. Но поэтъ, какъ Пушкинъ, не могъ оставаться въ зависимости, даже и отъ общественнаго мнѣнія: онъ шелъ своимъ путемъ, и чѣмъ сильнѣе, самобытнѣе, выше развивался талантъ его, тѣмъ дальше послѣдующія его произведенія расходились съ тѣмъ первымъ впечатлѣніемъ, которое такъ шумно, такъ торжественно сдѣлалъ онъ, еще не знаемый изъ садовъ Лицей! Онъ былъ не доволенъ публикою, не доволенъ ея образомъ воззрѣнія на себя, и негодованіе поэта изливалось не сразу въ стихахъ могущественныхъ:

Такъ толковала чернь пустая,
Поэту славному внимая.

«Но публика стояла крѣпко на своемъ, и поэтъ, не внимая ей, идучи своимъ путемъ, болѣе и болѣе отдалялся отъ ея участія. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственная разгадка, почему послѣдній, лучший поэмы его какъ н. п. «Борисъ», были принимаемы съ меньшимъ жаромъ и участіемъ. Пушкинъ не внималъ и продолжалъ путь свой. Не смѣемъ здѣсь пускаться въ разсужденіе, кто правъ: публика ли съ своимъ упрямствомъ и желаніемъ слышать отъ поэта тотъ же строй пѣсней, которымъ онъ пробудилъ ея вниманіе, или непокорность поэта сему требованію. Ограничимся сознаніемъ, что общее участіе къ произведеніямъ Пушкина уже значительно измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его сочиненій. Это предварительное изложеніе, по нашему разумѣнію, было необходимо для того, чтобы дать, въ настоящемъ случаѣ, вѣрный отчетъ о повѣсти его «Анджело» и показать, что мы, уважая поэта, изучали не только его произведенія, но плодъ ихъ вліянія на публику и ея къ нему отношенія. Дополнимъ это замѣчаніемъ, что есть еще люди, независимые отъ первыхъ впечатлѣній, которые и

«теперь понимают и цѣнятъ Пушкина: но много ли ихъ? Обращимся къ «Анджело». Боккачю, отецъ Декамерона, былъ первымъ «начавшимъ писать въ роѣ, къ коему принадлежитъ «Анджело». *«Простой, самый естественный, безстрастный, не размышляющийъ рассказъ происшествій, какъ они были, есть отличительная черта сего рода произведений, явившихся въ свое время не случайно, не по прихоти литературной, а вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, развивавшихъ въ разные періоды времени различные роды стихотвореній: сагу, романсъ, балладу и т. д. Возможно ли подобное возсозданіе какого-либо рода стихотвореній во всякое время по волю самаго сильнаго дарованія? Имѣетъ ли право талантъ, не обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно усиливаться воскресить прошедшее, идти назадъ, не стремиться впередъ?»* Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Вправдѣ ли писатель винить публику, если она не раздвѣляетъ его стремленія къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣнимаго влеченія къ будущему, остается равнодушною, не признательною къ его тягостному боренію съ вкусомъ, *усилію, часто обнаруживающему тѣмъ разительнѣе всю великость его дарованія?* Вотъ вопросы, «которые въ настоящее время было бы кстѣти предложить на разрѣшеніе, и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библиографической, хотя въ нихъ—то существенно должна заключаться истинная оцѣнка піесы Пушкина, *полной искусства, доседеднаго до естественности, ума скрытаго въ простотѣ разительной, и сверхъ того неотъемлемо отличающейя истиннымъ признакомъ зрѣлости поэта—тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей. Судить о стихосложеніи Пушкина было бы излишне: мы ограничиваемся наведеніемъ читателей на мысль, стоящую по мнѣнію нашему подробнаго изслѣдованія.»* (Молва 1834 г. N 22, стр. 338—341).

Нельзя не удивляться здѣсь и върности взгляда во взглядѣ на значеніе Пушкина и на отношеніе къ нему публики и критики, и превосходному опредѣленію существенныхъ красоть манеры, въ которой писанъ Анджело, даже указанію связи этой манеры съ манерой Боккачю, хотя недостатокъ грамотности очевиденъ и здѣсь: не указанъ ближайшій источникъ Анджело — Шекспирова драма. Самые вопросы, останавливающіе критика, въ известной степени законны: самое стихосложеніе Пушкина поразило его своею особенностью—тутъ нѣтъ еще и помину объ архимандритѣ *Аполлосъ* и г. *Остолоповъ*. Передъ чѣмъ же отступила эта критика, по види-

тому столь самостоятельная, столь мужественная, столь созрѣвшая до пониманія Пушкина?

Передъ статью «Жителя Сивцева вражка», напечатанною въ 24 N томъ же «Молвы» на стр. 370—375!!!

«Рецензентъ вашъ—говорить этотъ новый критикъ — въ сужденіи объ «Анджело» Пушкина, помѣщенномъ въ сей части Ново-«селья, оказалъ слишкомъ явное пристрастіе. Я совершенно согла-«сенъ съ нимъ въ томъ, что говорить онъ вообще о ходѣ вліянія «Пушкина на публику, о постоянно усиливающемся разнорѣчии его «съ нею и о значительномъ измѣненіи общаго участія къ его про-«изведеніямъ. Но, признаюсь, вопреки ему, не нашелъ въ «Анджело» «ни искусства доведеннаго до естественности», ни «ума скрытаго въ «простотѣ разительной», тѣмъ болѣе не замѣтилъ «истиннаго при-«знака зрѣлости поэта — того спокойствія, которое мы постигаемъ «въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей.» По моему искреннему «убѣжденію, «Анджело» есть самое плохое произведеніе Пушкина; «еслибъ не было подъ нимъ его имени, я бы не повѣрилъ, чтобъ «это стихотвореніе принадлежало къ послѣднему двадцати-пятилѣтію «нашей словесности и счелъ бы его стариною, вытасканныю изъ «отысканнаго вновь портфейля какого-нибудь изъ второстепенныхъ «образцовыхъ писателей прошлаго вѣка. Такъ мало походить оно «на Пушкинское даже самую версификацію, изобилующую до не-«вѣроятности усѣченными прилагательными и распространенными «предлогами! Не угодно ли вамъ перечестъ вповѣ слѣдующіе стихи:

«Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположеніе:
«Что еслибъ отдали тебѣ и: разрѣшеніе,
«Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
«Иль искупить его, пожертвовавъ собою
«И плоть предавъ грѣху (с. 61).

«Или пожалуй хотъ эти:

«Средство есть одно къ его спасенію.
(«Все это клонится къ тому предположенію
«И только есть вопросъ и больше ничего)
«Положимъ: тотъ, кто бѣ могъ одинъ спасти его,
(«Наперсникъ судія, плъ самъ по сану властный
«Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный)
«Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ
«И требовалъ, чтобъ ты казнъ брата искупилъ
«Своимъ паденіемъ: не то—рѣшить законъ. (с. 63).

«Или слѣдующій афоризмъ:

«Законъ не долженъ быть пужало изъ трыпцы,
«На коемъ наконецъ уже садятся птицы.

«Спрашиваю, чѣмъ эти и многіе подобныя стихи лучше стиховъ не только Хераскова и Кострова, даже нѣкоторыхъ Сумарокова? Я уже не упоминаю о томъ, что въ отношеніи къ содержанію. «Анджело» есть не что иное, какъ передѣлка Шекспировой Measure for Measure изъ прекрасной драмы въ вялую, пустую сказку. Не думайте чтобы я былъ предубѣжденъ противъ творца этой передѣлки; напротивъ, увѣрю васъ, что никто больше меня не чувствуетъ живѣйшей признательности къ Пушкину за леоптенныя минуты, кои онъ доставлялъ мнѣ своими первыми произведеніями, благоухавшими свѣжей сладостью мощнаго, роскошнаго таланта. И потому, читая Анджело, я повторялъ съ чувствомъ глубочайшей горести его же прекрасный стихъ, въ то время глубоко запавшій мнѣ въ душу: увы!

«Таковъ ли былъ онъ расцвѣта?..

«Въ полной надеждѣ, что вы не откажетесь вѣрить крыльямъ вашей «Молвы сію апелляцію на Молву, съ отличнымъ уваженіемъ имѣю честь быть

«Вашъ покорнѣйшій слуга

«Житель Сивцева Вражка.

«Юня 12. 1834 г.»

И предъ такой-то ничтожной статейкою отступила критика. И потомъ явились «Литературныя мечтанія».

Не въ правъ ли же была сама эта критика въ другую свою эпоху, въ эпоху, которую, въ противоположность временамъ Сатурна, мы назовемъ эпохою титаническою—въ эпоху паеоса, въ статьѣ о Киришѣ Даниловѣ и Сахаровѣ, въ Отеч. Запискахъ, говорить: «Критика «того времени безусловно восторгалась произведеніями Пушкина до «той поры, какъ гений его возмужалъ: не подозревая того, что онъ «нимъ сталъ уже слишкомъ не по плечу, они, по свойственному чело- «вѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ палъ.»

А неизвѣстный критикъ Современника — взялся оправдывать критику современную^{*)} Пушкину! (*).

Но обратимся къ другимъ статьямъ о Пушкинѣ.

(*) Мы увѣрены даже, что онъ готовъ быть раторцемъ за приведенную статью «жителя Сивцева вражка»,—вмѣстѣ съ нимъ находить «Анджело» самою пло- хую вещь, вмѣстѣ съ нимъ не понимать, почему великій художникъ такъ утомился своею легкою версификаціей, почему обратился онъ къ манеръ писателей пропалаго вѣка.

Статьи о сочиненіяхъ Пушкина въ Юльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» собственно о сочиненіяхъ Пушкина не толкуеть да и толковать не хочетъ. Предлагаемыя журналомъ статьи имѣють предметомъ *разсматривать со всѣхъ сторонъ изданіе...* Какъ это кажется ухитриться написать нѣсколько статей объ изданіи—и кому будутъ предлагаться эти статьи? Подробный эстетическій разборъ самихъ произведеній поэта не входитъ въ планъ этихъ статей, потому что, какъ говоритъ критикъ—«въ нашемъ же журналѣ былъ «напечатанъ полный разборъ сочиненій Пушкина. Взглядъ нашъ съ тѣхъ поръ не измѣнился, потому что творенія Пушкина, хотя уже «почти четверть вѣка прошло надъ его могилою, до сихъ поръ не «утратили своей обаятельной силы и свѣжести, и еще далеко то «время, когда критика въ состояніи будетъ сказать что-либо новое «или измѣнить свои сужденія о его произведеніяхъ, изъ которыхъ «многимъ суждена вѣчная юность, какъ всему истинному въ наукѣ» Прекрасно сказано, замѣтимъ мы—но ссылка на прежнюю критику, какъ на исчерпавшую все, что можно сказать какъ о Пушкинѣ, такъ и обо многомъ другомъ, если не обо всемъ,—подтверждаетъ какъ нельзя болѣе нашу мысль объ одряхлѣніи и истощеніи теперешней. Какъ это не найдти въ Пушкинѣ чего либо новаго даже съ эстетической стороны, когда цѣлыя библіотеки сочиненій о знаменитыхъ писателяхъ существуютъ въ другихъ европейскихъ литературахъ? И особенно въ настоящее время были бы полезны эстетическія статьи о Пушкинѣ. Около четверти вѣка прошло послѣ его смерти—какъ справедливо, хотя не точно выразился критикъ,—и должно признаться къ сожалѣнію, что поколѣніе, воспитавшееся въ эту четверть вѣка, воспиталось—увъ! не на Пушкинѣ, какъ воспитывались на немъ мы, нынѣ пишущіе и поучающіе. Скажемъ даже болѣе: различныя эфемерныя произведенія и тяжеловѣсныя статьи объ этихъ эфемерныхъ произведеніяхъ, статьи, въ которыхъ широко и глубокомысленно обсуживались по поводу литературы различные политико-экономическіе вопросы—разорвали связь между Пушкинымъ и поколѣніемъ, воспитавшимся въ эту четверть вѣка: вкусъ у этого поколѣнія (мы говоримъ о той части его, которая подверглась журнальнымъ влияніямъ) испорченъ или лучше сказать зараженъ: юношамъ и двамъ, которые съ пафосомъ читали только болничныя или исправительныя стихотворенія г. Некрасова, и греческія пѣнопѣнія г. Щербины; нужно долго и долго втолковывать на Пушкинѣ, въ чемъ заключается значеніе искусства, въ чемъ состоитъ истинная красота; даже читавшимъ даровитыхъ изъ новыхъ поэтовъ,

но только новыхъ—красота Пушкинской поэзіи будетъ новостью: мы сами въ тѣхъ обществахъ, гдѣ наиболее читають вообще и кромѣ того читають даже по-русскій мужескій полъ и женскій, встрѣчали и встрѣчаемъ господъ и госпожъ, которымъ напоми только то или другое стихотвореніе Фета, Огарева, Майкова—они наизусть его знаютъ,—но которые какъ-то смутно, неопредѣленно отзываются о Пушкинѣ. Да объ одной простотѣ, правдѣ и искренности Пушкинской поэзіи сравнительно со всею современною—можно написать нѣсколько статей, болѣе конечно нужныхъ для публики, чѣмъ нынѣ предлагаемая статья и будущія статьи объ изданіи Пушкина, статьи, которымъ мѣсто не въ отдѣлѣ критики. А что можно сказать о Пушкинѣ какъ о повѣствователѣ, особенно сравнительно съ продуктами натуральной школы и съ водяною беллетристикою послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ! Явно, что ссылка на прежнюю критику есть въ настоящемъ случаѣ смиренное, хотя неискреннее сознание критики въ безсиліи и истощеніи. Замѣчательно, что никто изъ *настолицкихъ* литераторовъ, никто изъ *извѣстныхъ* критиковъ, кромѣ г. Дружинина, не сказалъ ни слова о Пушкинѣ, представивши это дѣло борцамъ темнымъ или только что выступившимъ на сцену литературы, хотя отъ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ отъ г. Галахова, принадлежащаго къ поколѣнію воспитавшемуся на Пушкинѣ и знакомаго съ фактами не ученически,—отъ г. Кудрявцева, котораго нѣкоторыя статьи показывали много эстетическаго такта въ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній, въ правѣ были ожидать многіе статей о Пушкинѣ, скорѣе чѣмъ отъ таинственнаго критика Современника, — но г. Галаховъ почилъ на лаврахъ послѣ своей статьи о Карамзинѣ, г. Кудрявцевъ печатаетъ въ Запискахъ очень хорошія статьи о «Дантѣ», другіе изъ грамотныхъ критиковъ давно уже ничего не печатають. На сценѣ только темные борцы въ родѣ господина, пописывающаго критики въ Современникѣ, и многіихъ господъ, *имѣ же имя Legionъ*, наводняющихъ безнаказанно безвкусіемъ и незнаніемъ двѣ столбцы С.-Петербургскихъ газетъ. Печальное, но истиннѣ печальное состояніе критики! Еще печальнѣе представляется оно, когда среди этихъ темныхъ борцовъ появляется боецъ постыдный въ родѣ г. П. съ мнѣніями дикими, устарѣлыми, и говоритъ какъ *власть имѣющій* о томъ, что повѣсти Пушкина — дрянь, а г. Вонярярскій чуть-чуть не геній!

Боже мой! и неужели же все это отъ того, что нечего писать критикѣ. Да вѣдь знаетъ же и прекрасно знаетъ критика, о чемъ писать, какія интересныя струны затронуть, говоря о писателѣ ино-

странномъ. Посмотрите напрямърь, какъ основательно говорить упомянутый нами г. Кудрявцевъ въ статьяхъ о «Дантѣ»: Каждая «*вновь наступающая эпоха пробуетъ свои силы надъ Дантомъ; каждаый вновь выработанный приемъ въ общей исторіи литературы прилагается и къ Данту.* Только-что, кажется, установилось «новое воззрѣніе на него, какъ старое опять усиливается взять перевѣсъ надъ новымъ. Опытъ следуетъ за опытомъ, одинъ приемъ смѣняется другимъ, *но никто, конечно, не скажетъ, что современныя работы, предпринятые надъ Дантомъ, какъ бы впрочемъ они ни были удачны, полагами предѣлъ дальнѣйшему изслѣдованію о немъ.* Пока не умрутъ историческіе и литературные интересы, *длительная мысль не перестанетъ трудиться надъ его твореніями и всегда будетъ надѣяться найти въ нихъ много новаго для себя.*» Какая ужасающая разногласица между этими здравыми словами, прилагающимися конечно къ изученію всякаго великаго народнаго писателя—и между словами критиковъ «Отеч. Записокъ» и «Современника». Между тѣмъ г. Кудрявцевъ же напрямърь, такъ хорошо сознающій эти истины и такъ здраво ихъ выражающій,—удивительно ясно обозначающій приемъ исторической критики,—предпочитаетъ работъ надъ Пушкинымъ—извлеченіе изъ двухъ книгъ о Дантѣ: Форіэля и Вегеля, работу конечно болѣе легкую и пожалуй доставляющую въ своемъ кружкѣ дешевую славу, но за которую взяться можно и безъ дарованій г. Кудрявцева, статью, которую подъ силу было бы смастерить какому-нибудь г. Тихонравову или другому темному адепту! Въ настоящую минуту, это особенно досадно, и тѣмъ болѣе досадно, что въ предисловіи къ своему извлеченію г. Кудрявцевъ излагаетъ превосходно приемы исторической критики. «Въ наше время, — говоритъ онъ—лучше нежели когда-либо понято, что жизнь писателя «и его авторская дѣятельность—два явленія, соединенныя между собою тѣснѣйшимъ образомъ, или что въ дѣятельности писателя, «въ его произведеніяхъ, слагаются его же жизненные результаты. «Если ужъ слогъ самъ по себѣ обличаетъ чловѣка; то чего же не скажетъ намъ о немъ самое содержаніе его произведеній? Надобно «только искусно собрать лучи свѣта, проливаемого твореніями писателя на его жизнь, и уметь направить ихъ на настоящіе пункты. «Нельзя сомнѣваться въ успѣхъ этого метода, послѣ блестящихъ «опытовъ приложенія его къ Гётѣ и Шиллеру и въ недавнее время «къ Шекспиру извѣстнымъ историкомъ нѣмецкой литературы. Последній опытъ особенно говорить въ пользу метода, потому что

«только съ помощью его автору удалось наконецъ заглянуть во внутренній міръ поэта и открыть въ этомъ мірѣ послѣдовательность явленій, о которыхъ его біографы не имѣли никакого подозрѣнія. Въ строкахъ и между строками твореній Шекспира. Гервинусъ нашелъ секретъ прочесть внутреннюю его біографію. *Почему не приложить того же способа и къ другимъ писателямъ, о дѣятельности которыхъ мы гораздо больше знаемъ изъ ихъ произведений, нежели изъ исторіи ихъ жизни?* Въ свою очередь жизнь писателя даетъ ключъ къ объясненію его твореній. Это старая истина, которой сила извѣстна была уже въ древней литературѣ. Въ наше время значеніе ея сознается все больше и больше. Кто не читалъ жизни автора, для того потерявъ смыслъ многихъ его произведеній. *Тѣмъ оригинальнѣе писатель, тѣмъ глубже въ его жизни лежатъ корни самыхъ его созданій:* не тотъ только пышнѣйшій фразеръ и риторъ, кто любитъ пышныя рѣчи, но тотъ въ особенности, у кого онѣ легко ложатся подъ перо, безъ участія мысли и сердца. Спросите у комментаторовъ, знающихъ лучше насъ домашнія тайны писателей, и они скажутъ вамъ, съ ироническою улыбкою или безъ нея—все равно, *что мотивы задушевнѣйшихъ лирическихъ произведеній взяты обыкновенно изъ жизни самаго поэта. У романиста, у драматическаго писателя, можетъ быть, тѣже самыя ощущенія превратились въ идеальныя образы, полныя жизни и движенія. Еще больше надобно допрашиваться отвѣта о жизни писателя, если въ рѣчахъ его слышится одно твердое убѣжденіе, которое покрываетъ собою всѣ прочія мысли. Убѣжденіе не рождается изъ теоріи; оно приходитъ вмѣстѣ съ успѣхами жизни и нерѣдко наперекоръ ея направлено. Если убѣжденіе истинно, если это не призракъ, оно наполнитъ всего человѣка и не можетъ не сказаться въ его произведеніяхъ. Оторвите убѣжденіе отъ жизненной его основы—и оно, если не потеряетъ вовсе своего разумнаго смысла, легко можетъ показаться странностью и поведетъ только къ произвольнымъ толкованіямъ.»*

Читая подобныя строки, невольно приходитъ въ голову мысль, какъ легко усваиваемъ мы все то, что долгимъ умственнымъ процессомъ выработано въ остальной Европѣ, становимся тотчасъ же во всякомъ дѣлѣ хозяевами, относимся даже ко всякому дѣлу критически, (и, прибавимъ не безъ чувства народной гордости, имѣемъ право относиться критически)—и между тѣмъ на дѣлѣ, на практикѣ, прилагаемъ наше ясное и тонкое пониманіе къ какимъ-нибудь тру-

дамъ съ оію. отговариваясь тѣмъ, что нечего дѣлать, не для чего дѣлать и т. д. «Матеріалы для Біографіи Пушкина» (скромное и справедливое заглавіе труда г. Анненкова) подавали именно поводъ къ испытанію надъ Пушкинымъ такого рода приѣма, котораго свойства и значеніе такъ хорошо объяснены г. Кудрявцевымъ—а у насъ нашелся особенный приѣмъ: перепечатывать старые пасквили на Пушкина, да еще другой—ссылаться на прежнюю критическую дѣятельность!

Честъ и слава г. Дружинину! Заслуга двухъ статей его о Пушкинѣ въ Библіотекѣ для чтенія заключается въ томъ, что онъ, какъ мыслящій и серьезный литераторъ, обошелся съ трудомъ г. Анненкова—изъ матеріаловъ, предложенныхъ издателемъ для желающихъ изображать колоссальный образъ нашего народнаго поэта, г. Дружининъ вылъпилъ изваяніе Пушкина—европейскаго поэта и Пушкина—человѣка труда. Распространяться о статьяхъ его, проникнутыхъ единою, стройною и живою мыслию, обдуманыхъ честно, выполненныхъ съ умомъ и изяществомъ—мы не будемъ, желая сообщить статью нашей единство полемическаго колорита. Г. Дружининъ—блестящее исключеніе: общія же замѣчанія наши касались не исключеній, а обыденныхъ явленій въ критикѣ—и кажется съ достаточною ясностію доказали ея несостоятельность. Признаемъ откровенно, что не безъ нѣкотораго злобнаго удовольствія слѣдили мы за ея промахами, но вѣроятно противники наши поймутъ, какъ они уже поняли впрочемъ, что наша полемическая жесткость имѣеть источникомъ своимъ не личное раздраженіе, а любовь и уваженіе къ искусству. Что же касается до насъ лично, то, ведя борьбу не съ теперешнею критикою, а съ тою, на которую теперешняя ссылается, съ критикою, какъ и наша, не чуждою рѣзкости и увлеченій идеями, мы не раздражались и не будемъ раздражаться глумленіемъ надъ увлеченіями. Отсутствіе способности къ пониманію увлеченій есть одна изъ болѣзней нравственной дряхлости.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погодинымъ.

1855.

ТОМЪ IV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, КНИГАМИ ОТЪ 15 ДО 20 ЛИСТОВЪ.

№ 13 и 14.

ІЮЛЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

